ДАНА
АРНАУТОВА
Избранная
морского
принца
16+

Страж морского принца

Дана Арнаутова

Избранная морского принца

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Арнаутова Д.

Избранная морского принца / Д. Арнаутова — «ЛитРес: Самиздат», 2017 — (Страж морского принца)

Жизнь подводного королевства в руках Джиад, жрицы-воина, желающей лишь свободы от судьбы вечного стража. Согласившись вернуться, чтобы спасти умирающего принца, она еще не знает, что магия запечатления требует невозможного: искренне простить того, кто вызывает в ней только ненависть. Принц Алестар изо всех сил пытается искупить вину и преодолеть вековую вражду людей и иреназе, но измена и смерть следуют за ним по пятам. Чтобы выжить, Джиад и Алестар должны раскрыть убийство и заговор, удержать шаткую власть короля моря и, самое сложное, победить самих себя. Внимание! Вторая часть цикла "Страж морского принца".

© Арнаутова Д., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

ГЛАВА 1. Возвращение 5
ГЛАВА 2. Тихий шторм 13
ГЛАВА 3. На Арене принцев нет 23
ГЛАВА 4. Любовь чужая и своя 32
ГЛАВА 5. Новости и знакомства 42
ГЛАВА 6. Между судьбой и свободой 51
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Дана Арнаутова
Избранная морского принца

ГЛАВА 1. Возвращение

Вокруг было море. Холодная, темная, бескрайняя вода, и уже не ночное, но еще не рассветное небо смыкалось с ней где-то невообразимо далеко, пряча солнце в молочно-серых глубинах. От летящих брызг Джиад мгновенно промокла насквозь, хотя стояла в воде только по пояс, а идущие к берегу волны прокатывались вокруг неё едва ощутимыми упругими толчками. Позади, на близком и одновременно бесконечно далеком берегу, остался Каррас, и Джиад боялась обернуться, хотя встретиться с алахасцем взглядом все равно не вышло бы.

А впереди, всего в паре-тройке шагов, если бы воду можно было мерить шагами, качались в волнах двое иреназе, приподнявшись над спинами салту, то выныривая из морской мглы, то снова погружаясь в нее по грудь. Качались и молчали. И это, пожалуй, было самым умным, что они могли сделать, потому что Джиад чувствовала себя натянутой до предела тетивой. Растяни ещё хоть на волос, тронь неосторожно – порвётся, хлестнув наотмашь.

– Вы сказали, – услышала она свой бесстрастный голос будто со стороны, – что не станете ни к чему меня принуждать.

– Это верно, – медленно, словно с трудом, ответил король иреназе. – Запечатление слишком неустойчиво, оно истончается, рвется, как сгнившая водоросль. Твоя ненависть убьет Алестара, а ты ведь его возненавидишь, если…

– Я его и так не слишком люблю, – уронила Джиад. – Этого вы не боитесь?

Кариалл молча пожал плечами. Небо немного посветлело, и теперь было видно, что король обнажён до пояса, только на шее толстая цепь с тёмным круглым камнем.

– Принц умирает, – подал голос второй иреназе, и Джиад узнала Ираталя. – У нас нет выбора, госпожа страж, мы можем лишь надеяться, что вы сумеете обуздать свою ненависть.

– И я должна поверить? После стольких предательств и лжи?

– Я поклялся Сердцем Моря, – в голосе короля слышалась такая бездонная тоска и усталость, что Джиад едва не дрогнула, но тут же в памяти всплыл потолок её комнаты-темницы, напоминая, к чему ведёт доверчивость.

– Никакого принуждения к постели, – сказала она так же бесстрастно. – Иначе, Малкависом клянусь, вы узнаете, как я могу ненавидеть. Никаких угроз. Вы больше не будете мне лгать – что бы я ни спросила. Когда истечет месяц, я вернусь на землю, но если Алестар снова оскорбит меня словом или делом, вы отпустите меня раньше. И вы никому не позволите причинить мне вред или проявить неуважение: ни принцу, ни жрецам, ни другим иреназе, ни распоследней медузе. Вы клянетесь в этом, ваше величество?

– Да, – так же бесцветно отозвался король, поднося к губам висящий на цепочке камень. – Клянусь Сердцем Моря, что хранит Акаланте, его сутью и силой. Я клянусь соблюдать все эти требования и беречь вас, как самую дорогую гостью. Но поспешим, прошу…

Камень в его пальцах вспыхнул тревожным кровавым огнем, словно на него упал солнечный луч, но вокруг по-прежнему был серый полумрак рассвета, а огромный рубин – чем еще могло быть такое чудо? – сиял сам по себе, изнутри, и Джиад поняла, что морские боги приняли клятву короля.

Она шагнула вперед, и еще раз, потом не выдержала, оглянувшись, и прикипела взглядом к одинокой фигуре у самой кромки воды. Волны лизали сапоги алахасца, стоявшего в обнимку с плащом и клинками Джиад.

– Возвращайся, Джи! – закричал Лилайн, словно только и ждал этого движения. – Я буду ждать здесь, на побережье! Месяц, два, три – сколько понадобится, слышишь?

– Слышу, – крикнула она в ответ, и порыв ветра сорвал слово с губ, унося к берегу, где Лилайн в ответ кивнул. – Я вернусь, Лил!

В глазах щипало от соленой воды, в горле так и стоял плотный комок, и Джиад торопливо сделала третий шаг, последний. Взяла из молча протянутой навстречу руки короля аквамариновый кулон, невольно отметив, что теперь в оправу камня продета не цепочка, а кожаная лента. Руками не порвать… Интересно, отберут ли у неё нож? Впрочем, неважно, если Джиад и в самом деле связана с жизнью принца, злить её попусту иреназе не станут.

Стоя теперь уже по грудь в воде, она с брезгливым холодком просунула голову внутрь ленты и почувствовала, как та, и без того короткая, съеживается, обхватывая шею мягко, но надежно…

– Не тревожьтесь, – торопливо сказал Ираталь, поймав взглядом её невольное движение: – Так просто безопаснее. Чтобы не порвалась и не слетела случайно.

– Да, конечно, – усмехнулась Джиад. – Что ж, я готова…

Оказалось, быть готовым к такому невозможно, сколько раз ни уходи под воду. Салту Ираталя подплыл рывком, начальник охраны протянул руку, помогая сесть в седло позади себя, – и тут же, стоило Джиад оказаться на спине рыбозверя, ушел в глубину.

Вода сомкнулась над головой беспощадной тяжестью, заливая нос, рот, глаза, уши. Ледяной хваткой сдавила тело, полилась в горло, заставив снова пережить дикий страх захлебнуться. Джиад впилась пальцами в плечи Ираталя, пытаясь вдохнуть, выдавить из себя солёное, плотное – и закашлялась, чувствуя, что дышит. Водой – но дышит!

– Нет, ничего, – с трудом проговорила она, задыхаясь и отплевываясь, тревожно обернувшемуся назад Ираталю. – Ничего… Что-то в этот раз…

– Другой морской ключ, непривычный, – виновато отозвался Ираталь. – Тот, что вы носили, остался у его высочества. Жрецы пытались найти вас по нему, но только испортили камень.

– Нашли же все-таки, – буркнула Джиад.

Больше они не сказали ни слова. Рыбозверь рванул с места, и Джиад могла только молча удивляться, как иреназе находят дорогу в совершенно тёмной воде. Даже на земле ночью легко заблудиться: темнота искажает привычные очертания, скрывает и меняет расстояния, путает тропы. А в море, где кроме привычного обзора по сторонам есть еще верх и низ, как можно держать верное направление?

Но спрашивать об этом Ираталя явно было не время. Начальник охраны лег на салту, слился с ним, плотно прижавшись к шкуре, и Джиад пришлось последовать его примеру, одной рукой обхватив за плечи иреназе, другой вцепившись в луку непривычного седла, рассчитанного на хвост.

Засомневайся она вдруг, что принц Алестар действительно при смерти, хватило бы этого бешеного заплыва-полёта в томительно медленно светлеющем море, чтобы понять: они спешат к умирающему. Впереди рассекал воду темный силуэт короля, и Джиад отрешенно подумала, что не зря иреназе плывут один за одним, хотя дорог здесь нет. Это как прокладывать тропу по снегу: труднее всего идти первому, зато следовать за ним куда легче. Ираталь – отличный наездник. А вот она бы ни за что не удержала зверя так ровно и чисто, прямо носом в хвост салту короля.

Снег, вода… Джиад напряглась, сбрасывая странное оцепенение мыслей, готовых крутиться вокруг чего угодно, только не того, о чем действительно следовало думать сейчас. Согласилась! Она сама, по доброй воле согласилась вернуться в подводное королевство, поверив уже раз обманувшему её владыке иреназе и его сияющему талисману. Да с чего она решила, что морской народ не нарушает клятвы, данные на этой реликвии? С того, что они сами так

сказали? Ей, двуногой чужачке? И с чего она взяла, что это именно Сердце Моря? Мало ли у короля иреназе диковин, способных при необходимости посветить, как уголек из-под пепла?

Джиад невольно вдохнула глубже, с отчаянием понимая, что снова бросила свою жизнь на кон смертельной игры неизвестно ради чего. Но Малкавис велел ей выбирать… Выбирать, а не верить на слово всему, что скажут подлые хвостатые! Ладно, потеряв голову, о серьгах не жалеют… Думать надо о том, как выдержать месяц рядом с рыжим ублюдком. Пусть он даже пожертвовал собой ради искупления вины, это не причина забыть и простить. Скорее всего, недоразумение, родившееся наследником трона Акаланте, вообще не думало, что с ним случится после расставания с запечатлённой. Не думать – это очень похоже на Алестара. Поддался первому порыву, случайно оказавшемуся благородным, захотел одним махом разрубить все узлы – и вот, любуйтесь!

Отец-король, жрецы и придворные – все сходят с ума, пытаясь исправить то, что рыжий натворил безмозглым великодушным поступком. А Джиад…

Сердце резануло тоскливой виной, стоило вспомнить глаза Лилайна. Он-то чем такое заслужил? Верностью и заботой? Да за одно это рыжему хвост оторвать мало! Целый месяц… Дождется ли? А если дождется, как потом вымолить прощение? Как убедить, что иначе не могла? Лилайн поверил ей с полуслова, привёз к морю, рискуя жизнью и свободой, а что теперь будет с наемником, которого наверняка ищут люди Торвальда? Малкавис, помоги ему скрыться! Помоги понять, что не надо ждать на побережье, за месяц даже матерый зверь попадется в расставленные ловушки.

Они спускались все ниже, у Джиад уши заложило от давления воды. Она несколько раз сглотнула, открыв рот, и почувствовала, как в ушном проходе что-то щелкнуло. Вода сразу перестала давить, будто придя в непонятное равновесие.

Плечи Ираталя под обхватившей их рукой Джиад ритмично напрягались. Иреназе правил зверем, еле заметно смещаясь то на один бок, то на другой, помогая себе лоуром. Вспомнилось, как Алестар учил её морской верховой езде. Как один человек может быть таким разным?

Ведь рыжий действительно любит салту и понимает их, как на земле хорошие всадники любят и понимают лошадей. Это, конечно, не говорит о том, что человек добр, – сколько угодно мерзавцев холят и берегут зверей, а вот людям на их пути лучше не попадаться. Но в Алестаре временами проглядывало растерянное отчаяние заблудившегося мальчишки… Да, он был жесток. Но совсем не так, как Торвальд. Мог, сорвавшись, мучить, даже убить, наверное, но лгать с таким ясным взором, предавать с красивым и спокойным расчетом… Это на принца иреназе было ничуть не похоже.

Джиад сильнее сжала колени, пытаясь удержаться на крутом повороте. По привычке, конечно, салту – это не лошадь, им коленями не правят. Мокрые штаны облепили ноги, босые ступни терлись о шершавую кожу рыбозверя. Сапоги остались на берегу. И перстень! Только сейчас Джиад, растерявшись, вспомнила, что перстень Аусдрангов так и лежит в каблуке её левого сапога. Если Каррас не вспомнит или решит, что она спрятала драгоценную реликвию где-то ещё, – конец перстню. Сапоги – это не клинки и даже не плащ, вряд ли алахасец заберет их с собой, скорее бросит на берегу. Что ж, это судьба… Рубин Аусдрангов хотел отправиться в мир – он это сделал. Впору поверить в этом Каррасу, иначе как объяснить, что перстень вылетел из памяти как раз в нужный момент?

Шпили Акаланте вынырнули прямо под ними, и Джиад поняла, что они плыли к городу напрямую, как и в ту ночь, когда рыжий её отпустил. Прямо – и вниз. Дворец надвигался стремительно, черноту его силуэта испещряли голубоватые и желтые светляки туарры в окнах. Похоже, многие там то ли встали спозаранку, то ли вовсе не ложились. Салту заложил последний поворот, от которого Джиад, будь она сыта, могло бы и вывернуть, застыл перед темным проемом в стене, где-то посередине между крышей и дном. Ну да, им здесь лестницы не нужны…

– Как вы, госпожа избранная? – в голосе Ираталя, соскользнувшего со спины рыбозверя и пристально смотрящего на Джиад, слышалось беспокойство. – Все хорошо?

Джиад кивнула и тоже попыталась слезть, сразу почувствовав, что невольно соврала – никакого "хорошо" и близко не было. Голова кружилась, пустой желудок скрутило жгутом, а перед глазами бешено мелькали разноцветные искры.

– Ваше величество… – услышала она сквозь плотную темную пелену, застелившую все вокруг.

Что-то говорил Ираталь, что-то отвечал ему король – Джиад, запрокинув голову, пыталась отдышаться, с бессильным отвращением думая, что силы, дарованные Малкависом, на исходе. Промедли она в предгорьях, не помоги ей Лилайн добраться до моря – и жрецы могли бы хвост узлом завязать, объясняя, как погубили избранную вместо того чтобы добыть. А что, хороша была бы шуточка…

К её губам прижалось горлышко кувшина, в рот полилась горьковатая влага, уже знакомая по прошлому разу. Джиад глотнула, допила до конца и, дождавшись, пока перед глазами немного прояснится, отдала кувшинчик подплывшему Невису.

– Быстрее, – умоляюще сказал старый целитель, заглядывая ей в глаза. – Госпожа избранная, прошу вас…

Её тащили за руку по коридорам, залитым светом туарры, и даже это мягкое сияние казалось тревожным, лихорадочным. Дверь – та самая, будто и не было недель свободы. И комната – знакомая и незнакомая одновременно. У стены клетка с мечущимся рыбёнышем. Надо же, как вырос… Погоди, малыш, не до тебя пока. Остальные стены от пола до потолка заставлены какими-то сложными приборами: зеркалами, стеклянными трубками, сосудами с разноцветными жидкостями, то искристо мерцающими, то густыми, непрозрачными. И посреди всего этого до омерзения знакомая кровать с распростертым телом. Мертвой змеей стелется по подушке тусклый рыжий жгут волос. К рукам, до синевы белым, почти прозрачным, тянутся стеклянные трубки, уходя в кожу хищными иглами. Даже хвост, всегда сияющий перламутром, поблёк, и безжизненно свешивается с ложа обвисший плавник. Лицо…

Джиад подплыла ближе, взглянула в холодную совершенную красоту мертвого принца Алестара. Нет же! Вот, грудь еле заметно поднимается и опускается. Но… так медленно…

– Прошу, – послышался рядом лихорадочный шепот короля иреназе. – Вы видите? Теперь – видите? Умоляю – не надо ненависти… Разве можно ненавидеть его сейчас?

«Нельзя, – согласилась она про себя. – Такого – просто не получится».

А вслух спросила:

– Что мне делать? Говорите же!

– Оставьте нас, ваше величество, – прозвучал удивительно властный голос Невиса. – Вы сделали, что могли, теперь оставьте нас и молитесь Троим – остальное в их власти.

Покорно кивнув, король выплыл из комнаты вместе с Ираталем, а целитель опять поймал взгляд Джиад своим – безмерно усталым и тревожным.

– Нет времени на ритуалы и обряды, – торопливо сказал он, беря её за руку и увлекая к постели. – Еще немного – и наследника не вернуть. Просто ложитесь рядом и прикоснитесь к нему. Так тесно, как… сможете. Прошу! – добавил он срывающимся голосом.

Джиад молча повиновалась, пытаясь убедить себя, что ничего страшного и отвратительного в этом нет. Ведь спасала же она рыжего дурня от дыхания Бездны, а потом и от сирен? И не думала тогда, насколько его ненавидит и может ли простить.

Постель была такой же мягко-мокрой, как помнилось, только теплее. Все равно гадко! Запрокинутое лицо принца оказалось совсем рядом, бледное, будто светящееся изнутри.

«Он и в самом деле уходит, – чутьём поняла Джиад. – Душа вот-вот улетит. Или уплывет? Ох, да какая разница…»

Придвинувшись еще ближе, она обняла рыжего одной рукой, прижалась к его боку, попыталась уловить ритм дыхания принца, не понимая, что делать. Да и что она может?

– Вы же слышали, что сказал король? – подсказал из-за спины бесцветный от усталости голос Невиса. – Забудьте о ненависти. Просто… постарайтесь вспомнить то, что могло вас связать. Что-нибудь хорошее! Ведь было же хоть что-то?

Судя по отчаянию в тоне, целитель и сам не очень в это верил. Джиад честно попыталась вспомнить. В памяти, как грязная муть со дна потревоженного источника, всплывали унижение, боль и ярость… Нет! Не думать… Не думать о том, что убьет последнюю исчезающую связь между ними. Это как тренировка на сосредоточение! Убрать ненужные мысли легко, но как и где найти нужные?

В отчаянии она уцепилась за единственное, что пришло в голову: принц держит за хвост малька салру, отчитывая безмозглого мальчишку. Он был рад, когда Джиад выпросила рыбёныша. Рад не убивать.

Джиад судорожно вдохнула воду, старательно гоня мысли о плохом. Алестар учил её плавать на салту. Высокомерно выпускал колючки, фыркал, но учил на совесть. И даже бросил обожаемую охоту, чтобы проследить за двуногой, защитить её от злоязыких сплетников вроде Миалары. Да уж, для рыжего – настоящий подвиг…

Память упорно подсовывала горячие руки на плечах, лихорадочный шепот в темноте между стенами загонов. Да, но ведь удержался! Совладал с собой, даже просил прощения…

Тело под её рукой дрогнуло. Джиад всмотрелась в мраморное лицо, на котором выделялись только темно-золотые брови и ресницы. Все остальное – шедевр великого скульптора, а не живая плоть. Но ведь явно принц вздрогнул! Осталось лишь надеяться, что это не агония.

– Да, – прошептал из-за спины Невис. – Да, еще… Прошу вас!

Еще? Джиад прикрыла глаза, чтобы не видеть ненавистную наглую красоту. Если бы она отвечала перед Малкависом за свое глупое согласие вернуться в море, что бы она сказала?

Принц иреназе не лгал ей. Мучил, чуть не убил, но не лгал. Даже в тот последний раз, прогоняя наверх, умудрился сказать правду, только подал ее по-своему. Бились о камни волны, прибой чуть не утопил её, уплывающую, но позволил выбраться на берег, а Алестар остался, чтобы умереть. Это было на рассвете. Соль на губах, соль, пропитавшая тело и волосы, из-за нее щипало глаза и кожу… Но был ведь еще и день до этого? Турансайское вино и сырные лепешки, горячий песок и пламя костра… И Алестар глядел на неё восхищенными глазами из ласково плещущих волн, глядел молча, не в силах скрыть желание во взгляде, но хотя бы не выдавая его ни словом, ни делом.

Джиад невольно сжала пальцы на плече принца, снова вдохнула глубоко, с напряжением, не позволяя себе поднять тяжелые веки, удерживая в памяти золотые искры костра, вкус вина на губах, плотные струи воды, обтекающей тело, когда плывешь на салту. И кровь! Текущая в воду кровь Алестара, призвавшая его отца, пока Джиад отбивалась от сирен. Рыжий пытался выбраться из-за её спины, из убежища, которое могло подарить ему несколько лишних мгновений безопасности, а мгновения слишком часто решают, кому жить, а кому умирать. На руках подтягивался, полз, лишь бы драться рядом, хотя сам и нож не поднял бы. Малкавис, помоги! Помоги мне удержать его хотя бы за это! За то, что он был рядом со мной в бою…

Что-то говорил рядом Невис, тревожно и радостно, Джиад его не слышала. В прохладной воде она горела, словно бежала по раскалённому песку пустыни, задыхаясь от льющегося со всех сторон жара. Тяжело и жарко – ей даже показалось, что вода вокруг должна закипеть, соприкасаясь с её кожей. И эта тяжесть… Она снова напряглась, запрокидывая голову назад, выгибаясь, как лук с натянутой тетивой… Малкавис, как же тяжело! Тяжело… вытаскивать…

Упрямо вцепившись в осколки собранной мозаики, будто каждое доброе воспоминание об Алестаре было тщательно сберегаемой драгоценностью, Джиад отрывисто дышала, невольно облизывая губы. Это было как бой, а драться, выкладываясь без остатка, она умела.

Сейчас ни просьбы короля иреназе, ни мысли о морском народе, обречённом, если принц умрет, – ничто не имело значения, кроме того, что решила она сама. Потому что только вся её воля, собранная воедино, могла удержать уходящего за край жизни.

И удержала! Когда что-то изменилось и стронулось, принц задышал немного чаще, а где-то вдали радостно вскрикнул Невис, ослепительно алая волна боли накрыла Джиад с головой, прокатилась по телу, заполняя каждую частичку. Застонав сквозь зубы, она еще плотнее прижалась к мелко дрожащему Алестару, даже положила подбородок на его плечо, но не в желании приласкать, конечно, а пытаясь еще теснее прихватить то, что ощущалось внутри скользким горячим жгутом, связывающим их, как пуповина связывает младенца с чревом. В другой раз это сравнение показалось бы кощунственным, но не сейчас. Принц рождался заново! И Джиад пыталась помочь ему, как могла, вытаскивая в жизнь всеми силами души и тела. И лишь когда услышала слабый прерывистый стон, окончившийся всхлипом, позволила себе соскользнуть в полусон-полубеспамятство от страшного изнеможения.

***

Первое, что Алестар понял, вынырнув из мрака, – боли нет. Во имя Троих, может ли быть большее счастье? Боль ушла, и это было непостижимым блаженством, которым он просто наслаждался, боясь шевельнуть хоть мускулом. Вдруг вернется?

А еще ему было тепло, тоже в первый раз за бесконечно долгие и мучительные дни и ночи, когда холод проникал внутрь и не уходил, сколько ни лежи в горячей ванне, сколько ни грейся изнутри тинкалой. Тепло… Может, он уже умер и попал в Глубины Предков?

Но на загробный мир это было никак не похоже, потому что тело ощущалось – спокойной разнеженной истомой, теплом и негой в каждой мышце, умиротворением… Да, вот чем это было! Умиротворением. Словно все, наконец-то, стало именно так, как должно быть. Странное чувство, но какое же чудесное!

А еще он явно лежал не один. Чья-то рука обнимала его за плечи, и это тоже было так правильно – словами не передать. Как сытость после голода, отдых после усталости, безопасность после страха… Как удовлетворенное любовное томление, даже лучше.

Алестар глубоко вдохнул, пытаясь поймать это дивное ощущение, хотя бы запомнить его, как сладкий сон, исчезающий сразу, как проснешься, но незнакомое доселе счастье не проходило, и он рискнул, повернув голову, открыть глаза. Тяжелые веки ни в какую не желали подниматься, а когда все-таки поднялись, он несколько раз моргнул, не веря тому, что видит. Четкий профиль, словно вырезанный из темного янтаря, тень ресниц на щеках, по-детски подложенная под голову ладонь. А вторая – на его, Алестара, плече…

Замерев, боясь спугнуть видение, потому что не могло же это быть явью, он всматривался жадно и вдохновенно, как глядят на то, что увидеть мечтали, но даже не надеялись. Джиад спала. Мерно поднималась и опускалась грудь, согнутые колени упирались Алестару в хвост, и даже во сне жрица выглядела так, словно вот-вот вскочит и рванет куда-то. Понятно, куда, – подальше отсюда…

Они все-таки её поймали! Поймали и притащили в Акаланте! Глубинные боги, что же теперь делать…

Наверное, он шевельнулся или вздрогнул, потому что Джиад мгновенно, словно и не спала, распахнула ресницы, в упор глянув черными каплями Бездны, что боги подарили ей вместо зрачков. Глянула молча, не шевелясь, и Алестар тоже затаил дыхание, пытаясь прочитать хоть что-нибудь в непроницаемой мгле её взгляда, – но куда там!

Дыхание перехватило. Наверное, впервые за всю жизнь он не знал, что сказать. Раньше слова всегда приходили сами, то стремительными рыбешками легко срываясь с губ, то падая с них тяжёлыми камнями или выползая, как ядовитые маару. А теперь, когда он так хотел сказать хоть что-нибудь, – их не было. Только пустота. Полная страшная пустота и в голове, и

в сердце, да еще страх и понимание, что скажи он что угодно – это все равно будет не то, что надо. Потому что разве могут слова что-то значить, если рядом та, увидеть кого – величайшее счастье и величайшая беда?

– Проснулись, ваше высочество, – бесстрастно сказала Джиад, разрывая длящееся целую вечность молчание.

Это, конечно, был не вопрос, к чему спрашивать очевидное? Алестар молча кивнул, хотя по-настоящему вышло только чуть шевельнуть будто налитой свинцом головой.

– Лежите, – так же ровно и бесцветно-спокойно уронила жрица, убирая руку с его плеча. – Выздоравливайте…

У Алестара даже в глазах потемнело, словно его ударили под дых, а всего-то – исчезла почти невесомая тяжесть чужой руки. Нет, не чужой! В том-то и дело, что не чужой.

– Это ты… – выдохнул он беспомощно, только теперь осмеливаясь поверить, чтобы разом преисполниться и страха, и отчаяния, и надежды пополам с безнадёжностью. – Это, правда, ты… Я думал, сплю…

– С такими кошмарами вас только пожалеть, ваше высочество.

Холод в голосе, холод в глазах, а рука была такая тёплая, что непонятно, откуда столько зимней, пополам со льдом, воды во взгляде и словах. Алестар сглотнул горечь, вздохнул судорожно. Сказал, едва слыша сам себя:

– Ты здесь… Это отец, да? Что же… что теперь делать…

Что я, больной, недавно умиравший, могу сделать, чтобы снова отправить тебя на землю, – вот что было в этом вопросе, таилось в словах, как раковина в песке, и острые края резали сердце, потому что ответа не было и быть не могло, как нет жемчуга в раковине-пустышке.

– Мне – терпеть, вам – выздоравливать, – буркнула Джиад, ложась на спину и глядя в потолок так внимательно, словно там за время её пребывания на суше что-то изменилось. – Да, и особо ни на что не надейтесь. Ваш отец обещал, что я пробуду здесь всего месяц. И гостьей, а не пленницей. Поэтому руки, ваше высочество, будьте любезны держать при себе, не говоря уж о прочих… частях тела. Я вернулась не для того, чтобы вас ублажать.

Ледяной крошкой, ядовитой слизью плыли холодные злые слова, но Алестар в растерянности пропустил их мимо ушей, расслышав только одно, самое важное.

– Вернулась? – переспросил он, боясь поверить. – Ты вернулась сама? По своей воле?

– Именно, – растянула губы в усмешке жрица, покосившись на Алестара и снова глядя в потолок. – Я здесь, потому что король иреназе просил спасти его сына и наследника. Ради мира между людьми и морским народом. И всё, на что я согласилась, это быть рядом.

Что-что, а слышать только то, что хочется, Алестар всегда умел. «Быть рядом» – это ведь, на самом деле, очень много! Больше, чем он мог и смел надеяться! Джиад, его Джиад вернулась сама! Не надо думать, как спасать её снова, можно просто отдаться счастью быть вместе. А все остальное… Образуется как-нибудь!

Усталость навалилась внезапно, будто он не только что проснулся, а целый день охотился. Или даже разбирал счета, что куда утомительнее. Алестар закрыл глаза, но тут же снова их поспешно открыл, боясь, что Джиад исчезнет. Нет, жрица-воин лежала рядом, угрюмая, но не собирающаяся пропадать. И Алестар позволил векам опять налиться тяжестью, а телу расслабиться, уплывая в тепло и спокойствие.

* * *

Принц уснул. Вот ведь существо! Глядит с таким чистым восторгом и радостью, как на лучшего друга или потерянную, но вновь обретённую любовь. Джиад передернуло, внутри медленно поднималась загнанная на самое дно души злость. Словно ничего не было! Вообще

ничего, кроме хорошего! Может, он еще ждёт, что она растает и согласится делить с ним постель по-настоящему? Да скорее море закипит.

Рыжий обиженно всхлипнул во сне, словно услышав её мысли. Придвинулся ближе, закинул хвост на ноги Джиад и бесцеремонно сгреб её в объятья. Задохнувшись от возмущения, Джиад приподнялась, собираясь вырваться, – и наткнулась на взгляд Невиса, так и качающегося у стены за спиной принца.

– Не надо, – тихо попросил целитель, потирая пальцами виски. – Он спит. Это его тело тянется к вам за исцелением. Ничего плотского, госпожа избранная, поверьте. Его высочество еще долго не сможет взглянуть с желанием ни на кого, даже на вас…

– Это к лучшему, – процедила Джиад, заставляя себя замереть.

Потом, не выдержав, осторожно сняла руку принца, упрямо встретив просительный взгляд целителя, буркнула:

– Не могу я так. Лучше сама обниму… потом… если надо…

– Я понимаю, – так же тихо согласился Невис. – Вы и так сделали больше, чем я смел надеяться. Его высочество жив и на пути к выздоровлению, а обуздывать желания ему давно пора научиться. Просто не забывайте, что он еще не вполне владеет собой. Вы для него – как горячий источник для замерзающего.

Не найдя, что сказать, Джиад передернула плечами, чувствуя, что и сама сейчас бы с радостью поспала. Но засыпать не хотелось: хотя умом она и понимала, что принц безопасен, тело и память предупреждали об ином. Слишком уж горели глаза Алестара при взгляде на неё. И принц, кстати, в отличие от своего отца, ни в чем не клялся.

В клетке у стены заметался салру, и Джиад со стыдом подумала, что так и не посмотрела на него ближе. Малек наверняка давно выздоровел, почему его до сих пор не выпустили? Рыжему не хватало хоть какой-нибудь зверушки? Заменил двуногого питомца на хвостатого?

Мысли текли злые, горькие и вряд ли справедливые, но Джиад было плевать. Слишком глубоко засела ненависть, чтобы исчезнуть от просьб иреназе и ласково-горячих взглядов рыжего мерзавца. Неизвестно, как обернется дело, когда принц выздоровеет. И даже если будет вести себя прилично, видеть его желание, постоянно ощущать на себе, ловить взгляды, от которых недалеко и до прикосновений… Месяц будет не из легких.

А салру она завтра же выпустит! Первым делом!

ГЛАВА 2. Тихий шторм

Дня два-три проплыли в полубеспамятстве. Алестар почти все время спал, просыпаясь лишь для того чтобы первым делом, подняв тяжелые веки, увидеть дремлющую рядом или сидящую у клетки с мальком Джиад и снова, послушно выпив тинкалы с какими-то зельями, уснуть. Боль, терзавшая все время разлуки с запечатленной, ушла, как вода в сухой песок, зато страх новой потери никак не хотел отпускать, это было мерзко и унизительно – бояться, но Алестар ничего не мог с собой поделать. И слабость… Каким же беспомощным он себя чувствовал! Тело, всегда такое ловкое, сильное, послушное, расплывалось по постели медузой, руки не могли удержать даже книжной таблички, да и читать не хотелось: строчки плыли перед глазами, а мысли путались. Однажды, с трудом сосредоточившись, он вяло и утомленно подумал, что хотел бы увидеть отца, но тот, раньше почти не отплывавший от его постели, теперь почему-то не показывался.

И все-таки слабость отступила следом за болью. Утром очередного дня Алестар проснулся, чувствуя себя все еще нездоровым, но голодным и почти бодрым. Джиад… Постель рядом была пуста! Нет, ничего страшного – вот она, жрица.

Джиад, одетая лишь в штаны и широкую нагрудную повязку, играла с мальком, сидя у клетки на полу. Отросшие темные волосы уже не топорщились задиристо, теперь их можно было собрать в хвост. Совсем короткий, правда, чуть ниже плеч. Или просто запустить пальцы в смоляные пряди, перебирая ласково и осторожно… Позволит? Или снова замрет под прикосновением, вроде бы не сопротивляясь, но так, что сам отдернешь руку?

Алестар жадно разглядывал смуглую спину и плечи, любовался, как перекатываются под золотистой кожей плоские красивые мышцы, когда жрица водит железным прутиком перед носом у салру со своей стороны клетки. Тот метался у решетки, с упоением пытаясь схватить игрушку, но прутья клетки мешали, а коварная добыча то ныряла между ними, то вовремя отдергивалась, и малек только возмущенно клацал пастью. Зубы у него, кстати, были уже далеко не безобидные: железо не перекусит, а вот палец лучше не подставлять.

Джиад снова медленно повела прутом вдоль клетки, вытянув руку с игрушкой далеко в сторону и вверх, ложбинка вдоль позвоночника дрогнула, напрягаясь, и Алестар даже сглотнул, так явно ему представился вкус кожи, если сейчас наклониться и провести языком. Откуда? Откуда он знает эту горячую шелковистую нежность, так не похожую на вкус иреназе? Ах да, пробовал однажды… Лизнул, когда…

Воспоминания обожгли стыдом. Алестар даже вздрогнул виновато, и тут же Джиад обернулась, встретившись с ним взглядом. Лицо её, как и боялся Алестар, закаменело, только глаза остались живыми и сердитыми.

– И долго вы его собираетесь в клетке держать? – холодно поинтересовалась жрица. – Все ведь зажило.

Действительно, зажило, даже шрамов не видно. И вымахал малек изрядно, теперь он был длиннее руки от пальцев до локтя. Интересно, кто его кормил все это время?

– Твой зверь, ты и выпускай, – отозвался Алестар, продолжая любоваться сидящей теперь к нему боком девушкой. – Он уже сам ест, наверное. Только место надо найти спокойное, без маару и подальше от города.

Джиад покосилась на малька, в глазах мелькнула растерянность. Ну да, откуда человеку разбираться в местных опасностях?

– Я помогу, – поспешно сказал Алестар, пока жрице не пришло в голову попросить об услуге кого-нибудь другого. – Есть долина, там не охотятся. И маару там нет. Я покажу.

Растерянность во взгляде сменилась угрюмой обреченностью. Жрица молча кивнула и снова отвернулась к клетке, а у Алестара внутри болезненно заныло тоской. Вернулась-то

Джиад добровольно, только ясно, что ей здесь плохо. Почему? И понимает ли она, что в прошлый раз её пытались спасти, а не обидеть?

– Джиад! – окликнул Алестар напряженную спину и темное облачко волос, колышущихся вокруг затылка. – Ты позволишь с тобой поговорить?

– Как пожелаете, – бросила жрица, не торопясь, впрочем, поворачиваться. – Я вас прекрасно слышу, ваше высочество.

Намек был прозрачен, словно новорожденная медуза: возвращаться на постель, ближе к Алестару, она не собиралась. И даже смотреть на него не хотела!

Глубоко вдохнув, Алестар постарался унять поднимающееся раздражение. Это Джиад. Его Джиад.

– Прости, – сказал он вслух как мог спокойно и мягко. – В тот раз, последний… Я наговорил тебе… всего. Я не хотел тебя обидеть, клянусь.

– Знаю, – равнодушно уронила девушка. – Вы хотели меня обмануть. Чтобы я не стала думать, а просто уплыла наверх.

– Да! – выдохнул Алестар облегченно. – Я хотел спасти тебя, понимаешь?

– У вас получилось, – прозвучало так же бесстрастно, если только Алестару не чудился под штилем этого спокойствия зарождающийся шторм. – Может, мне вас еще и поблагодарить? За великодушие.

– Джиад, – безнадежно повторил Алестар, чувствуя, что тепло, обволакивающее его с прошлого пробуждения, стремительно исчезает. – Зачем ты так? Я просто хотел спасти тебя. Ты не заслужила смерти. И всего остального тоже. Я знаю, что виноват…. Но я хотел помочь…

– А просто сказать мне, в чем дело, вы не могли? Непременно надо было врать и унижать?

Все-таки это был шторм. И не простой, а королевский, из тех, что мешают небо с морем в круговерти волн и ветра. У Алестара даже во рту стало солоно от предчувствия беды.

– Надо, – упрямо сказал он. – Иначе ты бы не уплыла. Ты всегда думаешь о других, а о себе уже потом, если успеваешь. Я должен был тебя спасти.

– Пожалуй, я все-таки выражу вам глубочайшую благодарность, ваше высочество…

Жрица, не вставая, развернулась одним гибким и плавным движением – на зависть любой мурене-убийце, глянула на Алестара, растянула губы в подобии улыбки. Помолчав, продолжила:

– Вы ведь пожертвовали собой, верно? Это у вас семейное – делать с другими то, что хотите или считаете нужным. А плохое или хорошее – кому как повезет. Захотели – насиловали и мучили, захотели – спасли и отпустили. Правда, потом все головорезы побережья гоняли меня по городу, как дичь, пытаясь вернуть в море. А когда не вышло, ваши жрецы решили притянуть меня магией, словно рыбину, заглотившую наживку. Ничего, что крючок рвет нутро, – быстрее и вернее получится. Вы-то, конечно, ни при чем, за это мне надо благодарить вашего отца. Ну, считайте, что вы с ним по разу каждый меня убили и по разу спасли. Как в игре! Теперь что? Чья очередь быть хорошим, а чья – плохим? Да только игрушке все равно, кто ее ломает, а кто – чинит! Я вам не игрушка, ваше морское высочество…

Она прервалась, словно задыхаясь, даже губы побелели, но голос оставался ровным и почти спокойным – это пугало больше всего. Алестар не боялся шторма, волны ничего не сделают рожденному в них, но слова Джиад были похожи на подводный поток-ловушку, текущий быстро, но почти незаметно, только попав в него, понимаешь, что выбраться не в силах. И остается смотреть, как летят мимо острые края скал, да гадать, на какую из них тебя вынесет.

– Джиад, – проговорил Алестар, вглядываясь в совершенно чужое лицо напротив. – Я не хотел… Ну чем поклясться, что я не желаю тебе зла? Давно уже не желаю!

«Чем поклясться, что все эти дни и ночи я думал только о тебе, – рвалось с языка. – Что видел тебя во сне, просыпаясь в глупых слезах и радуясь этим снам, как лучшему лекарству. Что мечтал еще раз увидеть наяву, а теперь, увидев…»

– Да какая мне разница? – яростно выплюнула жрица. – Из-за вас…

Она опять осеклась, но Алестар вскинулся, тоже срываясь в легко и радостно накатившую злость.

– Что из-за меня? – поинтересовался он звонким от обиды голосом. – Ты лишилась своего хозяина? Того, кто тебя предал? Это о нем ты сожалеешь?

– Вот уж не ваше дело!

– Может, и не мое, – согласился Алестар, приподнимаясь на локте и чувствуя, как слабость исчезает, смытая возмущением. – Но ты же во всем винишь меня? Я не хотел, чтобы ты возвращалась! Не хотел, слышишь? И звал тебя не я… А уж с этим аусдрангским ублюдком, что тебя продал, договариваться…

– Отчего же не продать, если есть покупатель? – процедила Джиад, надменно и как-то отчаянно вскинув голову. – Даже и не знаю, кто больше радеет о пользе своего народа – его величество Торвальд или его величество Кариалл. Все во имя государства – и никак иначе. Только он мне не хозяин! Как и вы, если уж на то пошло.

Алестар едва не захлебнулся очередным вдохом от обиды. За что с ним так? Сейчас-то он что успел сделать плохого? И это благодарность за спасение? Неужели его поступок ничего не стоит? Да, он так и хотел, отправляя Джиад наверх, был согласен, чтоб та никогда ничего не узнала, но теперь, когда все выяснилось… Пусть не благодарит, но хотя бы поймет!

– Если ты так обо мне думаешь, зачем возвращалась? – сказал Алестар, сам смутно удивляясь спокойствию, вдруг залившему его целиком. – Я же велел тебе уходить подальше от моря. Ну и убиралась бы…

Он осекся. Лицо Джиад заливала бледность, такая сильная, что даже в свете туарры было видно: что-то с ней не то. На мгновение показалось, что вокруг и впрямь бушуют волны: холодные серо-зеленые волны зимнего моря. Только там, наверху, шторма ревут на десятки голосов, а в глубине они тихие, грозно-тяжелые и от этого не менее опасные.

– Джиад, – выдохнул Алестар почти беззвучно, не слыша собственный голос. – Джи…

В клетке у стены заметался салру. Тревожно заметался, слишком быстро и резко для простой игры.

– Не смейте меня так звать, – прошипела жрица с тем же мертвенным холодом в голосе. – Никогда, слышите? Почему я вернулась? Спросите у своего отца и жрецов. Уж точно не потому, что мне здесь понравилось.

– Я бы спросил, – бессильно огрызнулся Алестар, – если бы…

Договорить он не успел. Джиад прянула от клетки и мимо Алестара, изо всех сил стараясь плыть быстрее. Резко и от этого слишком размашисто загребая, достигла двери, неуклюже рванула ручку – в другую сторону.

– Джиад! Погоди!

Оклик пропал впустую. Истошно заверещал малек, но было не до него. Джиад билась с дверью, как с врагом, тяжелая глухая плита не поддавалась, и Алестар кинулся следом, еще не зная, что сделает сам.

– Джи!

– Да не зови меня так!

Отпустив дверь, Джиад зависла возле нее, скорчившись, подтянув колени к подбородку и обняв их руками, спрятав лицо. Её сотрясали то ли судороги, то ли рыдания, и перепуганный Алестар впервые пожалел, что в этот раз рядом нет целителя.

– Джиад…

Таким же резким движением жрица сбросила с плеча руку Алестара, отдернувшись и согнувшись еще сильнее. Все-таки это были не судороги, а просто сильная дрожь. Слишком сильная для плача, да и представить плачущую Джиад Алестар бы просто не смог, но…

Он снова осторожно коснулся плеча жрицы, опускаясь рядом, и тут накатило, завертело и понесло, как прибоем у скал.

Тоска… Боль… Страх… Три дня и ночи в проклятой комнате-тюрьме. Целители молча сменяются, приносят еду, поят больного какими-то зельями и уплывают, все так же молча. Даже Невиса нет! И на все вопросы только виноватые уклончивые улыбки! А Джиад… нет, Алестар… нет, все-таки Джиад… Она остается с едва дышащим и шевелящимся телом, каждую ночь боясь, что дыхание прервется, – и что тогда? Отпустят? Или решат, что виновна та, кто была рядом? Да что вообще происходит в этом дворце, чтоб ему еще дальше под дно провалиться? Клетка! Позолоченная клетка на троих: салру, иреназе и человека!

– Джиад… – прошептал Алестар, пытаясь собраться с мыслями, как-то отделить свои чувства от чужих, но его все равно несло дальше, в глазах было темно, а во рту солоно-горько.

Страх… Не столько за себя, сколько за… Того, другого! Имени не было, имена остались где-то далеко, в настоящем мире, а здесь, в безмолвном королевском шторме, волны ярости бились о скалы отчаяния, и Алестар мог лишь ловить, задыхаясь, отдельные всплески. Тот… похожий на хищную птицу… Друг, любовник, спаситель… Темная фигура на рассветном берегу, в руках какой-то нелепый ворох… Погоня по пятам, а она, Джиад, нет – Алестар? Нет, все-таки Джиад, она ничего не может сделать! Даже крикнуть, чтоб не ждал, уходил… куда? В горы? Странное жилище, с углами, как шкатулка, очаг у стены, тепло, безопасность, нежные руки на теле, губы…

Он стиснул зубы, выдираясь из чужой памяти, опаленный стыдом и ревностью. Не помогло. Образы уплыли, на их место хлынула злость на самого себя и других, тех, кто снова решает за него. Это уже было так близко к собственным чувствам Алестара, что он едва не поддался, не принял бессильную ярость и злую горькую тоску за свои, родные. Чуть не растворился в боли и горечи.

– Джиад… – прошептал снова, цепляясь за имя, как за камень на дне. – Я не хотел… Да будь они прокляты с этим зовом!

Благодарность? Какая, к глубинным богам, благодарность? У Джиад даже ненависти к нему не было. Ненавидят равных, а он для жрицы, как… из череды образов Алестар выхватил то, что мог понять. Огромная волна, но не воды, пусть даже мутной, штормовой, а жидкой грязи. Сбивает с ног, несет, залепляя лицо, не давая дышать… Он, его отец, весь Акаланте…

Алестар всхлипнул.

– Джиад, – проговорил упрямо, не слыша собственного голоса. – Нет… Успокойся. Все… будет… Да где же эти лекари, когда они нужны?!

Уже не пытаясь быть осторожным, он схватил девушку за плечи, стиснул их, прижимая к себе всем телом, обвиваясь вокруг хвостом. В виски била боль – чужая или своя, уже неважно – желудок пытался вывернуться наизнанку, да куда там… Джиад, ты что, и не ела ничего эти дни? Убью! Найду того, кто виноват, – и убью. Да только нет здесь других виноватых, кроме меня. Не-ту. Сколько ни ищи.

– Джиад… – прошептал он, утыкаясь губами в макушку, чувствуя, как болезненными спазмами отдаются внутри сухие, без слез, чужие рыдания. – Все будет хорошо… Я…

Что он мог пообещать? Что больше не обидит? Что наизнанку вывернется и хвост узлом завяжет, лишь бы помочь и уберечь? Что… И почему ему должны были верить?

Проклятую дверь наконец-то открыли с той стороны. Невис! Вот уж кстати!

Алестар только глянул бешено, боясь выпустить едва ли что-то понимающую жрицу, – и снова замер, пока вокруг поднималась суматоха.

***

Стыдно. Как же стыдно ей было. Сорвалась, как изнеженная девчонка, устроила такое… И перед кем?!

Джиад сжалась еще сильнее, пытаясь отодвинуться, но рыжий – чтоб ему! – держал крепко, а сил сопротивляться не было. В глазах черно – какие тут силы? Темнота в глазах, тошнота, боль, странная такая, даже не боль, а ломота во всем теле… Она больна? Нет, болен рыжий…

– Да сделайте же что-нибудь! – прорычал принц над её головой. – Ей плохо!

Плохо? Нет, все в порядке. Пусть только дадут отлежаться. Побыть в тишине, одиночестве. Она страж Малкависа, она не может быть слабой, просто не должна. Отдохнет – и все будет хорошо, только отпустите…

К губам прижалось горлышко, в рот сама собой полилась густая горячая жидкость. Как ее… тинкала. Лучше бы вина, тоже горячего. А еще лучше – обычной воды. Холодной воды из черного лесного озера…

– Успокойтесь, ваше высочество, – попросил знакомый голос в темноте, обволакивающей Джиад. – Ничего страшного не происходит.

– Ничего страшного? Ничего?

В голосе рыжего злость мешалась с явным страхом. За кого боится-то? Джиад еще раз попыталась высвободиться, и на этот раз тяжелый скользкий хвост убрался, только плечи так и остались в кольце упрямых чужих рук.

– Да вы посмотрите на неё, Невис! Если это ничего страшного, то я медуза…

Голоса уплывали куда-то, возвращались, Джиад слышала их, словно сквозь стену, уже не стараясь освободиться, послушно глотая горячее и пряное, снова забыв, как оно называется.

– Ваше высочество, ваша избранная… много сил. Неприятно… но естественно, она ведь была… все эти дни. Дорога, переживания, последствия зова, бу-бу-бу…

Знакомые по отдельности слова вместе сливались во что-то непонятное. Джиад глубже вдохнула, мучаясь от того, что воздух какой-то плотный, тяжелый и вроде даже соленый. Ну почему никто не поймет, что с ней все в порядке, просто она устала. И как же стыдно…

Что такое настоящий стыд, стало ясно позже, стоило окончательно прийти в себя. Рыжая зараза… Его высочество твердо вознамерился искупать вину заботой, и Джиад успела даже пожалеть о тех временах, когда они честно ненавидели друг друга. Чувствовать себя немощной и без того унизительно, а принц подчеркивал это каждым словом, каждым перепуганным взглядом в ее сторону! И было жаль мальчишек-целителей, которых рыжий загонял требованиями принести еще тинкалы, сладостей, закусок, поменять это на то, подогреть уже остывшее, добавить одеял и подушек…

Самому Алестару Невис решительно запретил выплывать из комнаты, иначе – можно не сомневаться – хвостатая кара, определенная Джиад за неизвестные, но страшные грехи, сама метнулась бы на кухню и в кладовые, проверить, не осталось ли там чего-нибудь полезного человеку. Успокоился принц, только когда потерявший терпение Невис рявкнул, что больше всего госпоже избранной нужен покой. И тинкала, конечно, так что пусть остается, и немного еды тоже, а вот эти три подноса – убрать к мureньей прародительнице!

Ругающийся Невис – это было так же странно, как заботливый Алестар, так что Джиад разлепила свинцовые веки и подтвердила, что есть уже действительно не хочет и очень благодарна за заботу, но…

– Мы вас сейчас оставим, госпожа избранная, – тут же сменил тон целитель на привычный мягко-терпеливый. – Не беспокойтесь, ваша слабость – это временно, уже к вечеру вам станет гораздо лучше. Если бы его величество не восстанавливал сейчас силы, я бы давно попросил его воспользоваться Сердцем Моря и помочь вам, но, увы…

Невис тяжело вздохнул, и Джиад заметила, как осунулся целитель с их последней встречи. Седые волосы совершенно выцвели и засеребрились, будто в них пропали последние темные нити, морщины углубились, а под глазами залегли темные мешки. Целитель устал. А

король болен? Но когда Кариалл приплыл к берегу Акаланте, больным он не выглядел и в седле держался – загляденье. Хотя мало ли что могло случиться за эти дни?

– Передайте отцу, что я молю Троих о его здоровье, – буркнул вмиг присмиревший Алестар. – Я бы сам навестил, но вы же знаете…

– Конечно, тир-на, – мягко подтвердил целитель, – ему сейчас необходим только покой. Как и госпоже Джиад.

– Да понял я, – хмуро отозвался рыжий. – Невис, может, мне пока побыть у себя? Если я… мешаю.

С удивлением на проявляющего подобные чудеса великодушия принца воззрилась не только Джиад, но и целитель. И даже, кажется, малек из клетки.

– Решать госпоже. Если она настаивает на одиночестве, то временно…

– Не надо, – с трудом выдавила Джиад.

Остаться одной хотелось просто смертельно, только эта уступка ничего не решала: ясно ведь, что все равно им придется проводить вместе и ночи, и дни. Целитель и так разрывается между королем и его сыном, не стоит ему добавлять хлопот.

– Вот и хорошо, – с явным облегчением заключил Невис, выплывая и забирая с собой помощников.

– Его величество болен? – как могла ровно спросила Джиад, когда тишина в комнате стала совсем уж неприятной.

– Вулканы, – нехотя откликнулся принц. – Невис говорит, что Старший брат снова пытался проснуться. Их можно усмирить, но это требует сил, а потом чувствуешь себя, как высохшая на солнце медуза. Я, когда тренировался управлять Сердцем Моря…

Его заметно передернуло, даже хвост, расстелившийся по ложу, трепыхнулся.

– Разве это правильно, – осторожно спросила Джиад, – что вулкан просыпается так часто?

– Это совсем не правильно. И странно, вообще-то. Я знаю временные карты вулканов, мы ведем их веками. Старшему брату сейчас совсем не пора, а он вздрагивает во сне все чаще.

Да, рыжий определенно был озабочен. И когда повернулся к Джиад, вильнув хвостом по ложу, в потемневших синих глазах плескалась нешуточная тревога.

– Я знаю, что противен тебе, – начал он, глядя в упор, вздохнул порывисто и продолжил, едва заметно розовея скулами: – Но все-таки прошу – помоги мне быстрее набраться сил. Я нужен отцу! Сейчас Сердце Моря не делится с ним силой, а наоборот, тянет из него. Это временно, конечно, только времени у нас как раз и нет. Я не знаю, что происходит, но мне никто не верит. Никто, понимаешь? Кассия погибла, меня пытались убить, и гарната… Я так и не смог убедить отца, что не пил эту дрянь! Джиад, я не знаю, что творится, но чувствую – идет шторм. Буря, которая грозит всему Акаланте, не только мне! А все ведут себя так, словно ничего не случилось!

Он был прав, если взглянуть на все беспристрастно, а Джиад и так натворила дел, поддавшись чувствам. Тварь из Бездны, сирены, взбесившиеся салту – Алестара пытались убить трижды, самое малое. Только глупо думать, что никто вокруг не видит очевидного, скорее это принца не посвящают в истинный ход дел.

– Ваше высочество, я-то что могу?

Набраться сил? Кое-что в запечатлении Джиад уже понимала, и ход собственных мыслей ей не нравился.

– Нет, – торопливо сказал рыжий, прочитав что-то по её взгляду. – Я не о постели! Это было бы проще всего, но я… понимаю. Просто будь рядом со мной, прошу! Позволь касаться тебя, хоть иногда. Ты не представляешь, как много это значит. Я умирал без тебя, помнишь? А теперь – почти здоров.

Еще бы не помнить, как, надрываясь, тянула уже не от края смерти, а прямиком из-за него. И вытянула – на свою голову. Просто быть рядом? Это не слишком сложно. Прикосно-

вения… Это хуже, намного. Снова окатило стыдом, стоило вспомнить, как рыжий держал её за плечи. Сорвалась! Глупо, позорно, мерзко сорвалась!

– Я еще не попросила прощения за… утреннее, – с трудом выговорила Джиад, старательно не отводя глаз от какого-то незнакомого, горящего надеждой, просьбой и чем-то еще лица принца. – Мне, право, очень неловко…

– Прощения? За что?

Он не понимал. Действительно не понимал, смотрел удивленно, потом глаза едва заметно сузились, но тут же рыжий с подчеркнутым равнодушием пожал плечами:

– Тебе не за что извиняться. Виноват я, это из-за меня ты потеряла столько сил.

И это тоже было правдой. Голова до сих пор временами кружилась, хотелось растереть виски, закрыть глаза и дышать, дышать… Хорошо бы чистым горным воздухом или лесным… Опять! Не будет ни гор, ни леса, долго еще не будет!

Глаза напротив просили, почти требовали. Джиад на миг заколебалась, но не похоже, чтобы рыжий лгал или хитрил. Он предлагал честное перемирие и заслуживал честности в ответ. Даже если придется отказать.

– Я не знаю, – тихо сказала она. – Ваше высочество, я обещаю попробовать, но не уверена, что смогу.

– Хорошо, – кивнул Алестар, улыбнувшись вдруг ясно, совсем по-мальчишески. – Это уже очень много. Я… тебе что-нибудь нужно? Прямо сейчас?

Джиад устало помотала головой.

– Тогда спи. Я пока прогуляюсь!

Оттолкнувшись хвостом от ложа, принц поплыл к двери, легко открыл ее, нажав на рычаг. Снова засаднило стыдом, но Джиад прикрыла глаза, и слова сутр обволокли её не лживым утешением, но холодной чистой ясностью правоты.

«Нет стыда в слабости. Слабость – шаг на пути к силе, ступень, которую не миновать, ибо нет сильных изначально. Слабость не отменяет справедливости, не мешает милосердию, не отрицает разума. Слабость – не оправдание, но и не вина. Делай то, что можешь по силе своей, и она сохранится. Делай больше хоть на волос – и сила твоя умножится».

– Я могу это сделать, – прошептала Джиад. – Значит, я сделаю. Не ради слабости, а ради справедливости и милосердия. И разума.

Когда она проснулась в следующий раз, привычно определив, что проспала часа три, и действительно чувствуя, что мир вокруг и собственное тело ладят куда лучше, Алестар уже лежал рядом. Встрепенулся, глянул озабоченно, но тут же успокоился, просияв улыбкой. В руках принца колыхался мешок – не мешок, сеть – не сеть, что-то из просмоленных тонких веревок…

– Почти готово, – бросил рыжий, возвращаясь к прерванному занятию – вывязыванию хитроумных, судя по тому, как мелькали концы нитей, узлов. – Твоему надо не меньше, чем в три нитки плести. И ячейки погуще.

– Это что?

Джиад привстала, разглядывая рукоделье и уже ничему не удивляясь, даже принцу иреназе в роли вязальщика.

– Каймур. В них рыбу носят. С охоты или рынка… Или ты его за хвост потащишь? Я бы не рискнул. Там уже такие зубки…

– Каймур, так каймур, – пожала она плечами, – вам виднее. А когда?

– Когда захочешь.

Принц ловко затянул какой-то уж совсем головоломный узел, собрав несколько нитей, и ворох отдельных полосок вдруг превратился в изящную сеть-кошель.

– Как тебе станет лучше, так и отправимся.

Джиад повертела в пальцах плавно опустившийся ей на колени каймур, растянула и стянула аккуратные завязки, пропущенные по краю. Как и всякий страж, она знала десятка два нужных узлов не хуже любого моряка, рыболова или охотника, так что могла оценить: каймур был сплетен отменно.

– Хорошая работа, ваше высочество. Здесь принцев учат такому?

– Я же иреназе, – фыркнул рыжий, закладывая руки под голову. – Кто, по-твоему, учил вязать узлы вас… людей? У нас плести умеет любой мальчишка: плавать на охоту с чужим каймуром – дурная примета, да и неумехой прослыть никому не хочется. Может, завтра?

Малек в клетке, словно почуяв, что о нем говорят, забеспокоился. Джиад оглянулась на серебристую молнию, что металась от одного края решетки к другому и обратно. Отпускать забавную зверюшку было жаль, но пора. И зачем тогда тянуть?

– А почему не сегодня?

Она снова проверила прочность каймура. Неужели не перекусит? Не должен, веревки просмолены на совесть.

– Сегодня? Надо бы Невиса спросить.

Джиад снова пожала печами. В ответ так и просилась какая-нибудь дерзость, но она понимала, что это играет обиженная недавним унижением гордость, потому проглотила большую часть просившегося на язык, уронив только:

– Неужели вы доросли до благоразумия, принц? Раньше вы бы спрашиваться не стали.

– А я и сейчас не стал бы, – обиженно буркнул рыжий, мгновенно попавшись в ловушку. – Если бы речь обо мне шла. А ты больна. Не хочу рисковать тобой.

Это было, как оплеуха от наставника, чтоб не задирала нос. Такого она не ожидала, но Алестару почему-то поверила сразу. И больше от растерянности уверила, что ей уже хорошо. Действительно хорошо! Это было почти правдой, её все еще познабливало, а день явно клонился к закату, но спальня-клетка так надоела, что она и полумертвой постаралась бы отсюда выбраться. Хоть ненадолго!

Алестар глянул недоверчиво, но взял каймур и отправился к клетке, где то замирал на одном месте, то метался малек. И верещал! Тонко, прерывисто то ли пищал, то ли свистел – у Джиад даже уши заложило.

– Я думала, рыбы молчат, – сказала она, глядя на перекошенное лицо принца, которому рыбеныш орал чуть ли не в самое ухо. – Как… рыбы!

– А разве они молчат? – в свою очередь удивился рыжий, пытаясь отловить скалящегося малька и не поплатиться рукой. – Это ты рыбьи косяки не слышала. Гул от них такой – море гудит. И салту поют, особенно в брачный период. Ох, зараза!

В воде расплывалась темная муть, рыбеныш свистнул с явным воодушевлением, предупреждая, что дешево свободу, а может и жизнь, не продаст. Дурачок…

– Я же его кормил! – возмутился Алестар с такой обидой, что Джиад невольно разобрал смех.

– Вы его зарезать хотели, – мстительно напомнила она, радуясь, что можно не говорить о неприятно тянущих внутри вещах вроде запечатления.

– Он не помнит! Он совсем мелкий был!

– Зато внимательный. Давайте вдвоем, что ли?

Но вместе загонять малька не пришлось. Едва Джиад подплыла к клетке, приподняв второй угол решетки, малек рванулся к ней, ткнулся в пальцы, спасаясь и явно жалуясь – Джиад только подивилась, сколько чувства слышалось в его визге. А будучи схваченным за хвост и водворенным в каймур, рыбеныш просто взвыл от непереносимого предательства!

– Сама свою заразу понесешь, – обиженный принц снова сунул в рот вытащенный оттуда для этих слов палец, хмуро глянул на Джиад и трепыхающийся каймур, из которого неслись истошные жалобы. – Тебя он, значит, признает!

– Я с ним играла, – усмехнулась Джиад. – Да и вспомните, вы сами сказали, что я салру сродни. Ну, идем? То есть плывем?

* * *

– Вот теперь я вижу, что вы точно родня, – невинно до ядовитости сказал Алестар примерно двумя часами позже.

Солнце уже почти село, мглу вечерней воды рассеивало призрачно-голубое, но довольно сильное сияние туарры, растущей здесь прямо на камнях. Это было похоже на земные сумерки, только гораздо холоднее. Джиад отчетливо видела небольшую узкую долину, уходящую вдаль, по краям которой камни поднимались пологими холмами, окаймляя ровное дно. Правда, любоваться красотами ночного моря изрядно мешало настойчивое тыканье в колено твердого и острого носа.

– И что делать? – мрачно осведомилась она, чувствуя себя совершенной дурой.

– А я откуда знаю? – веселился рыжий мерзавец. – Ну, поговори с ним… По-родственному!

Дару и Кари, замершие рядом, тоже ухмылялись, на всегда невозмутимых лицах близнецов улыбки казались чем-то невероятным, но такой уж сегодня был сумасшедший день.

– Совсем сдурел? – рявкнула Джиад, когда острые зубы отчаявшегося привлечь внимание малька чувствительно цапнули её за облюбованное рыбенышем колено. – А за хвост?

Ловко увернувшись, рыбеныш замер чуть поодаль, игриво помахивая упомянутым хвостом.

– Может, успеем уплыть?

Джиад просительно оглядела троих иреназе. Принцу было весело, охране тоже, и даже салту разве что зубы не скалили. Уплыть они уже пытались. Оказывается, даже маленький салру способен легко догнать верхового собрата-салту. И обогнать. И вцепиться в чувствительный хвостовой плавник, приглашая к веселой игре в догонялки, как объяснил ей рыжий, отправляясь ловить взбешенного зверя, пока вылетевшую из седла Джиад – благо в море падать было некуда – охраняли близнецы.

– Тебе понравилось? – поднял бровь Алестар.

Слава лучшего наездника Акаланте принцем была заслужена, салту без седока он поймал быстро, и даже серебристая зараза, угрем вьющаяся между взрослыми зверями, Алестару не помешала. Кажется, рыбеныш его слегка опасался. Зато Джиад он совершенно не боялся, а был влюблен в неё, как щенок-подросток в горячо обожаемую хозяйку. И вел себя совершенно так же! Играл, то набрасываясь, то отплывая, плыл рядом с салту Джиад, бестолково мечась у зверя перед носом, тыкался мордой и ловил момент схватить пастью – не всерьез, а тоже игриво, не понимая опасность роскошных, прямо бритвенной остроты зубов. И вообще веселился на славу, так откровенно радуясь свободе и прогулке, что Джиад даже разозлиться всерьез не могла. На кого злиться-то? На морского щеночка? Да еще впервые выпущенного из клетки.

– Сделайте же что-нибудь! Что мне, назад с ним плыть?

– Они быстро взрослеют, – хладнокровно утешил её Дару. – И дрессируются легко. То есть салту дрессируются.

На ошалевшего от свободы малька он смотрел с явной опаской, и Джиад поняла, что на покладистость салру охранник не рассчитывает.

– Мы полагали, вы знаете, – сказал со своей стороны Кару удивленно. – Вы же его сами взяли на выкармливание совсем маленького, как раз такого, как надо.

– Знаю – что? – выдохнула Джиад, переводя взгляд на Алестара, так же беззаботно улыбающегося в седле. – Его высочество забыл меня о чем-то предупредить?

– Я не думал, что так получится, – быстро проговорил принц, почти перестав улыбаться. – Думал, ты его подлечишь – и все. Кто знал, что он так задержится? Да я понятия не имел, что салру тоже привыкают к первому кормильцу! Я думал, он ко мне привыкнет…

– Вы уж определитесь, что именно вы думали и знали, ваше высочество! – рявкнула Джиад, не забывая бдительно отслеживать подозрительно притихшего малька. – Привыкают, значит? И надолго мне это… счастье?

Счастье, вылетев из-под брюха салту Алестара, впилось зубами в плавник зверя Кару и повисло, мотаясь на бешено бьющемся хвосте и самозабвенно вереща от восторга.

Над живыми существами и призрачно-сияющими камнями плескалось чернильное море. Джиад прикрыла глаза, но это не помогло спрятаться от сумасшествия, что правило сегодняшним днем. Ругались, поминая глубинных богов и муренью прародительницу, охранники, метались их салту, верещал малек и смеялся, заливался хохотом с невозможным, немыслимым звонким упоением рыжий наследник иреназе.

ГЛАВА 3. На Арене принцев нет

Невис даже не ругался, лишь глянул на Джиад с такой усталой безнадежной укоризной, что это было хуже любых попреков.

– Она не виновата, это я захотел прогуляться, – кинулся с непрошеной защитой Алестар, но целитель только досадливо дернул плечом и вздохнул:

– Разумеется, ваше высочество. Госпожу избранную никто и не винит. Как и вас. Допейте зелье, будьте добры.

– Уже допил, – буркнул рыжий, протягивая опустевший кувшинчик, из которого последние несколько минут тянул что-то очень противное, судя по тому, как передернулся с последним глотком. – Невис, я же прекрасно себя чувствовал утром.

Да, а вечером, стоило вернуться с развеселой прогулки, свалился. До последнего утверждал, что все хорошо, хотя Джиад по лихорадочно горящим глазам и ярким пятнам на скулах видела – врет. Или в самом деле не чувствует слабости, при сильном жаре так бывает.

– Простите, – виновато сказала Джиад. – Мне следовало подумать…

Откровенно поскучневший Алестар свернулся на постели клубком, изогнув хвост, а руками обнял себя за плечи. К Джиад он лежал спиной, но близко, только руку протяни, и на спине этой можно было пересчитать каждый позвонок, не говоря о просвечивающих под кожей ребрах.

– Вам необходимо больше отдыхать, ваше высочество, – с бесконечной терпеливостью отозвался Невис, просительно глядя на Джиад поверх затылка принца. – Госпожа избранная побудет с вами, а мне нужно заглянуть к повелителю Кариаллу.

Возмущаться тем, что за неё снова все решили, было не время, и Джиад молча кивнула. Лишь когда Невис выплыл за дверь, она поняла, что осталась с рыжим наедине, без обычного присмотра дежурного целителя. Алестар лежал неподвижно, и только по едва заметным движениям плеч и спины можно было понять, что он дышит.

Джиад тоже легла на бок, прикрыла глаза. Тот еще денек выдался, но, хвала Малкавису, слабость от зова моря ушла, а усталость – это привычно. Тело ныло и ломило так, словно она весь день била по мешку с песком – самая нелюбимая тренировка. Не потому, что тяжело, просто трудно удерживать внимание, чтобы каждый удар был осознанным.

Она старательно расслабила мышцы, мысленно пройдясь по каждой, от лба и глаз до кончиков пальцев на ногах, пока тело не превратилось в кисель. Хорошо бы массаж, но просить об этом слуг не хочется. Ничего, справится и так.

Размеренно дыша, Джиад сосредоточилась на внутренних ощущениях, при этом следя за пространством вокруг и воспринимая его частью себя, как учили в храме. Плотность и тепло воды, чуть слышный писк снова водворенного в клетку малька, едва заметное колыхание от хвоста спящего иреназе…

Расслабившись, она зевнула, чувствуя, как засыпает, но тут Алестар заворочался, перевернулся на спину и что-то простонал во сне. Короткие пряди волос, выбившись из косы, окружили его лицо темно-медным ореолом, подчеркивая нездоровую бледность.

Джиад осторожно отвела одну прядь в сторону, пригляделась к мечущимся под веками зрачкам. Может, позвать целителя? Принц всхлипнул, повернулся лицом и, не просыпаясь, потянулся к Джиад. Нащупав ладонь, вцепился в нее и затих, другой рукой обняв себя за плечо.

Лежать так было неудобно, но руку Джиад отнимать не стала. Пусть, если больному спокойнее. Вот интересно, а что сам рыжий думает о том, что творится вокруг? Известно, что правителей подстерегает три вида опасности: их убивают ради власти, их убивают из личной ненависти, их убивают случайно. Здесь третий вид можно исключить: такой цепочки случайностей не бывает.

Кто может ненавидеть наследника настолько, чтобы пойти на убийство? Да кто угодно. Нрав у Алестара не шелковый, наверняка он успел обидеть многих, едва ли заметив это. Правда, магия крови защищает принца от мести подданных, но если обида так сильна, что обиженный не пожалел жизни… Мог Алестар взять кого-то в постель силой, послужить причиной чьей-то смерти или разбитой судьбы? Конечно, мог. Достаточно вспомнить, как он обошелся с ней самой, и вряд ли все в Акаланте считают таким уж великим счастьем лечь под избалованного паршивца или отдать ему сестру, дочь, возлюбленную. Вот и повод для ненависти.

Но, возможно, причина все-таки в политических дрязгах. Как правитель Алестар наверняка будет тем еще бедствием, хуже извержения вулкана, но лучше такой король, чем война. Значит, смерть принца выгодна очень многим. Но почему его решили убить именно сейчас? Без причины такие шаги не делаются.

Ах, как же плохо брести в тумане догадок. «Страж служит щитом трижды, – проговорила Джиад про себя одну из первых сутр. – Когда закрывает господина собой, когда отражает удар, когда предотвращает удар до его нанесения. Из этих трех способов первый требует верности, второй – умения, третий – мудрости. И третий способ служения предпочтителен, ибо лучший удар – тот, что не был нанесен».

Пальцы принца сильнее сжали её ладонь, Алестар снова заметался на ложе. «Он не мой господин, – напомнила себе Джиад со спокойной безнадежной усталостью. – Я не отвечаю за его жизнь. Но раз уж так вышло, что мы связаны, глупо будет погибнуть в очередной заварухе, когда убивать станут его».

– Ка-а-ас… – простонал Алестар, шлепнув по ложу хвостом, как человек дернул бы ногами во сне. – Кас, нет…

Не просыпаясь, он двинулся еще ближе и простонал сквозь зубы что-то неразборчивое, стиснув руку Джиад уже второй ладонью, до боли сжимая её пальцы, сминая их своими. Вот и что с ним делать? В храме учили, что дурные сны – послание от богов, их нужно принимать с благодарностью, как горькое лекарство или нож целителя. Но Алестар болен, вместо душевной ясности кошмары принесут ему только слабость.

– Кас, не на-а-адо…

Склонившись, Джиад положила свободную ладонь на растрепанную рыжую макушку. Никто не заслуживает снова и снова переживать смерть любимой – пусть и во сне. В клетке пронзительно пискнул малек салру – тоже кошмары снятся, что ли?

– Кас…

Лицо Алестара жалко и некрасиво скривилось, плечи затряслись. Разбудить? Или позвать целителей – пусть дадут лекарство. Или дать выплакаться?

Почти против воли ладонь Джиад скользнула по рыжей волне волос ниже, на плечи, и Алестар замер под её прикосновением, а потом тихо и монотонно заскулил, как побитый щенок. Без слов, сдавленно и глухо, вжимаясь лицом в мягкую подушку, а ладонями все так же стискивая руку Джиад.

И снова в клетке у стены тревожно заметался малек, засвистел пронзительно и оглушительно громко в тишине комнаты. Джиад медленно погладила принца по голове и плечам, едва сдерживаясь, чтоб не вырвать руку из сведенных судорогой пальцев Алестара. Тот перестал стонать, но быстро и неразборчиво зашептал что-то в мягкую глушь постели, сжавшись под её прикосновениями, только хвост метался из стороны в сторону, как у рассерженного кота.

– Все хорошо, – негромко и насколько могла мягко сказала Джиад. – Все хорошо… Это всего лишь сон, все прошло… Алестар, вы слышите меня? Все прошло…

Наконец лихорадочный шепот стал затихать, принц вздрогнул, вытянулся на ложе, невольно придвинувшись так близко, что уткнулся ей в плечо. Поморщившись, Джиад заставила себя лежать спокойно. Это всего лишь милосердие, обещанное королю иреназе и самому Алестару. Просто чтобы паршивец быстрее выздоровел. Память услужливо подсунула испу-

ганные глаза наследника хвостатых, когда Джиад сорвалась утром, и быстрые движения пальцев над каймуром, а потом эти же пальцы, крепко, но осторожно сжимающие хвост малька. И звонкий, такой искренний смех…

Джиад даже головой потрясла, отгоняя наваждение. Дурман дурманом, но неужели этот Алестар, заботливый и смешливый, был недавно другим, тем, о котором и вспомнить без омерзения не получалось? Может ли гарната, или как ее там, настолько изменить нрав?

Ладно, ничего с ней не случится от еще одной ночи рядом с рыжим, тем более что утром тот ничего не вспомнит. Или спишет на лихорадку.

* * *

Алестар и вправду провалялся почти до полудня, насколько Джиад могла судить по внутреннему ощущению времени. Она успела вволю выспаться, расчесать спутавшиеся за ночь волосы и связать их в хвост, покормить малька, недовольно мечущегося по клетке, сделать разминку и вернуться обратно на постель, устроившись в самом изножье. Тяжелое мягкое покрывало, сотканное то ли из водорослей, то ли из какого-то морского мха, было так же насквозь пропитано водой, как и все здесь, оно с фальшивой ласковостью пыталось обнять, уговорить поспать еще, но куда мокрой губке до меховых одеял на земле – легких, теплых… сухих!

Джиад вздохнула, усевшись в привычную позу со скрещенными ногами, хотя под водой это получалось непривычно, тело так и норовило оттолкнуться, всплыть и повиснуть между полом и потолком. В самом деле, зачем ирениазе кровати? Ну и спали бы прямо в воде.

Поежившись, она сплела пальцы перед собой, сосредоточилась на дыхании.

– Что ты делаешь? – раздался голос позади. – Молишься?

С трудом обретенный настрой слетел, как у малыша, что только учится слушать свою душу. Перед тем как ответить, Джиад заставила себя разжать стиснутые зубы и сделать пару вдохов-выдохов, чтобы убрать из голоса раздражение.

– Нет, – сказала она, не оборачиваясь. – Это не молитва. Просто тренировка.

Алестар не ответил. Завозился на кровати, плеснул плавником хвоста, а немного спустя так же молча выплыл мимо Джиад из комнаты. Вслед ему громко и требовательно запищал рыбеныш, явно возмущаясь, что все плавают на воле, а его опять заперли в тесной клетке.

Джиад снова глубоко выдохнула, пытаясь унять злость. Да, разговор с собой – это не молитва, но даже в Аусдранге, где редко выдавалась свободная минутка, она находила время отрешиться от повседневности, чтобы услышать тихий голос внутреннего Я, той части себя, что говорит с Малкависом. А здесь уединиться можно только в уборной, похоже.

Дверь качнулась, но вместо Алестара в комнату вплыл Невис. Озабоченно глянул на Джиад, но не успела она сообщить, что драгоценный наследник уплыл совсем недалеко, тот и сам показался у входа, резкими размашистыми движениями заплетая свободно струящиеся волосы в косу.

– Мне уже лучше, – уронил он с вызывающей надменностью, глядя куда-то в стену мимо Невиса и Джиад. – И я хочу прогуляться.

– Ваше высочество, я не уверен…

– Зато я совершенно уверен, – жестко оборвал Алестар старого целителя, по-прежнему не глядя в его сторону. – Невис, я плыву в город. Если отец спросит, передайте, что я вернусь на закате.

Скрепив пряди внизу золотой заколкой, он перебросил косу на спину, подхватил с пола широкую набедренную повязку из плотной темно-красной кожи, застегнул ее так же торопливо, как до этого плел волосы и натянул первую попавшуюся тунику. Повернувшись, хмуро посмотрел на Джиад и тут же отвел взгляд, бросив:

– Тебе что-нибудь нужно? Говори, пока я не уплыл.

Джиад очень хотелось спросить, какая подводная муха укусила его высочество? Еще вчера Алестар заглядывал в глаза и только что хвостом не вилял, ночью жался к ней, как щенок,

боящийся грозы, а теперь все вернулось к прошлому пренебрежению? Но спрашивать бесполезно, принц скорее плавник себе откусит, чем ответит правду.

– Нужно, – ровно сказала Джиад, поддавшись мгновенному порыву. – Я бы тоже не отказалась от прогулки. Ваше высочество покажет мне город?

Понять что-то по лицу принца было не легче, чем по куску мрамора, но хвост, до этого плавно колыхавшийся в воде, раздраженно дернулся. Из-за спины Алестара отчаянно закивал Невис, умоляюще глядя на Джиад, а по ней словно прокатилась волна гнева. Чужого гнева! И стоило понять это, как Джиад смогла пропустить волну через себя, отстранившись от чужих чувств и недобрым словом помянув невидимые цепи между ней и рыжим.

– Я…

Алестар запнулся и резко выдохнул:

– Я плыву на Арену. Тебе будет неинтересно! Кто-нибудь из слуг проводит тебя в город.

– Но я давно хотела увидеть именно Арену, – безмятежно заверила его Джиад. – Раз уж вы осчастливили меня этим маленьким чудовищем, хоть увижу место, где их обучают.

– Я осчастливил? – вскинул Алестар брови в искреннем возмущении. – Я?

– Конечно, – хладнокровно подтвердила Джиад. – Вы не сказали, что этот паршивец ко мне привыкнет. И не выпустили его вовремя, пока меня здесь не было.

Несколько мгновений под прицелом яростно сияющих сапфировых глаз она думала, что никуда сегодня не поплывет. Просто не сможет заставить Алестара изменить решение. Но принц вдруг махнул рукой и рванул из комнаты, бросив слишком зло, чтоб это могло быть случайностью:

– Как хочешь! Отстанешь – поплывешь с Кари!

* * *

Город она и вправду не увидела. Успела только перемолвиться словом с Кари и Дару, и, кажется, близнецы были рады её видеть. Дару даже улыбнулся – зрелище совершенно невероятное, словно северный валун покрылся яркими садовыми цветами. Впрочем, тут же улыбка на лице старшего охранника сменилась привычной хмурой озабоченностью – с Алестаром творилось неладное.

Едва покинув дворец, принц круто взял вверх, подняв салту над жилищами иреназе, так что Джиад смутно различала сверху купола и невысокие шпили крыш. Улиц в подводном городе не было, но между строениями виднелись ровные площадки, где темнели островки растительности и мелькали хвостатые фигуры. Потом салту проплыли над скоплением одинаковых крыш, где суетилось особенно много иреназе, и Джиад решила, что это местный рынок. Вот туда она бы заглянула с удовольствием: мало что может рассказать о характере народа лучше. Но Алестар мчался вперед, и Джиад едва поспевала за ним и словно приклеившейся к принцу охраной.

Временами она чувствовала холодную рассудочную ярость. Чужая, мерзкая, она накатывала, как порывы ветра, предвестье бури, что вот-вот разразится. Пригнувшись к спине салту, Алестар летел к одному ему ясной цели, и это уж точно не было похоже на прогулку.

Наконец рыбозверь принца заложил крутой поворот, немного снижаясь, зависая над барьером слегка обтесанного дикого камня, и Арена вдруг явилась из водной толщи, не способной скрыть ее пугающее величие.

– Вот это да, – выдохнула Джиад, забывая и о чужой злости, и о собственном дурном настроении.

Перед ней раскинулась необозримая, уходящая далеко вдаль каменная чаша, края которой терялись в темно-зеленой толще воды, а дно отливало жемчужно-серым. Из песка, а ничем иным гладкое ровное покрытие дна быть не могло, торчали редкие скалы-столбы, высясь в несколько человеческих ростов и все-таки далеко не доставая даже середины чаши.

Расстояние и коварная вода скрадывали пропорции и размеры, но Джиад увидела, как опускается вниз салту Алестара, и поняла, что поначалу ошиблась в оценке. Арена была так велика, что на ее дне могли поместиться самое меньшее два ипподрома – гордость великой Северо-Западной Империи. Вместе со службами и зверинцем.

– Кто мог построить такое? – проговорила она, не надеясь на ответ, но Кари, незаметно подплывший, пока Джиад переводила дух, откликнулся:

– Боги, госпожа избранная. Говорят, когда народ иреназе был еще юн, а глубинные боги только-только уснули и часто ворочались во сне, один из них пробудился и разгневался на тех, кто рубил камень и прокладывал пути в толще скал, мешая его сну. Гнев бога истек наружу кипящей лавой вулкана, равного которому не было и не будет, пока плещут волны. Никто из морского народа не спасся бы, но Трое защитили своих детей. Мать Море пролила свою кровь, и та застыла, смешавшись с кровью первого короля Акаланте и породив Сердце Моря, а Отец Небо дал его наследнику умение и силу править Сердцем. И когда оно впервые выплеснуло свою мощь, даже глубинный бог устрашился и отступил в Бездну, где снова уснул, затаив обиду. Но Трое увидели, что мощь Сердца слишком велика, и разбили его на части. Осколки они вручили достойнейшим иреназе и повелели им вести свои семьи в другие области вод и там устраивать себе жизнь, какую они захотят. А это – место, где сила Сердца Моря излилась, устрашив самого глубинного бога.

– Тут кто угодно устрашился бы, – пробормотала Джиад, с холодком в груди оценивая размеры кратера.

Кратера? Осознав, она повернулась к иреназе, воззрившись на него с ужасом.

– Так это… вулкан? Весь город построен вокруг вулкана, а это его жерло? И вы не боитесь?

– Чего? – с совершенно спокойным недоумением спросил в ответ Кари.

– Вулкана! А если он снова проснется?

Иреназе пожал плечами, совершенно человеческим жестом прикладывая руку к глазам и вглядываясь туда, где над Ареной неслась серая стрела салту.

– Боги любят Акаланте, – отозвался он безмятежно. – Если спящие в Бездне пробудятся слишком рано, не дождавшись конца мира, Сердце Моря и воля короля снова усмирят их.

– С ума можно сойти, – проговорила Джиад, передергиваясь от знобкого страха и понимая, что никогда не будет уже чувствовать себя в подводном городе в полной безопасности.

А впрочем, привыкли же сами иреназе? Живут и не боятся того, что в любой момент вулкан может ожить. Надеются на данный богами талисман и своих королей. Отличная шутка, если посмотреть на того, кто унаследует заботу о городе, только очень уж грустная. И чем думал рыжий недоумок, рискуя своей столь драгоценной, оказывается, шкурой?

– Почему король позволяет сыну рискованные забавы? – не удержалась она от вопроса. – Если от жизни наследника зависит так много.

– А что делать? – снова пожал плечами охранник. – Нельзя вырастить достойного повелителя, оберегая его от всех опасностей. Конечно, принцу Алестару следовало бы вести себя…

– Разумнее, – подсказала Джиад, и Кари кивнул, слегка улыбнувшись и тут же продолжая:

– Но мы и так бережем его, насколько можем. Тир-на Кариалл не позволил его высочеству участвовать в войне с Суаланой, как и повелитель Суаланы не послал своего наследника в бой.

– А охота? Гонки эти?

Далеко внизу салту Алестара метался между каменных столбов, и у Джиад вдруг заныло сердце, будто вспомнилось что-то страшное, горькое, мучительно болезненное. Как недавняя рана: вроде и затянулась, не кровоточит, а дернешься неловко или заденешь – окатывает тягучей болью так, что в глазах темнеет.

– Салту – дар Матери Море, и разумная охота на них угодна богине, – спокойно сказал Кари. – Где еще молодому принцу показать свою храбрость народу и заслужить его уважение?

А гонки… Да, опасно. И повелитель Кариалл часто просил принца отказаться от этой забавы, но…

Он не договорил, встрепенувшись и подавшись вперед, но тут же успокоившись, когда еще один салту с седоком вынырнул из-за края Арены и спустился немного вниз.

– Дару, – пояснил с облегчением. – Проверил ряды. Видите склоны Арены? Там устроены места, откуда удобно смотреть гонки. Сегодня Арена пустует, разве что кто-то случайно заплывет. Ну, и служители здесь, но они заняты в загонах и со снаряжением. Хотите посмотреть ближе?

– Хочу, – согласилась Джиад, уже привычным мягким хлопком по носу заставляя салту плавно спуститься ниже. – Кари, разрешите спросить? Вы ведь были здесь тогда? В тот день…

– Когда погибла каи-на Кассия? Был.

И без того чеканный профиль охранника совершенно закаменел. Джиад его понимала: когда тот, кого бережешь, спасается чудом, это позор для стража. Пусть близнецы и готовы были отдать за Алестара жизнь, но одно дело – бой, другое – подлый удар исподтишка.

– Как у них вообще могло получиться? – спросила она совершенно безразличным тоном, оглядывая бесконечные зрительские ряды, заканчивающиеся на высоте пары человеческих ростов над дном Арены. – Все просматривается, неужели никто не заметил бы подмены?

– По правилам соперники носят специальные доспехи и шлемы, – неохотно ответил Кари. – Если салту просто столкнутся, или кого-то прижмет к скале, они хорошо защищают. И под ними не очень-то разглядишь, кто где, так что доспехи красят в яркие цвета.

– То есть лица под ними не видно? Ладно, а что потом? Кассия доплыла бы до конца, оказалась среди других…

Охранник покачал головой, слегка успокоившись, что его не винят, даже напряженные плечи расслабились.

– Нет, госпожа избранная, продумали они все хорошо. Это была пятая гонка Годовых Игр. Понимаете, у каждой гонки свои правила. В этой соперники просто делают три больших круга по Арене. Самое простое, что может быть. Каи-на Кассия не смогла бы заменить принца ни в какой другой гонке, кроме этой, но скорость она держала умело и поворачивала красиво, а большего и не требовалось. Ей не нужно было выигрывать, совсем наоборот. Троих победителей чествуют судьи, а этого допустить было нельзя. На Арене свои правила, никто не простил бы тир-на Алестару обмана. Знаете, у нас даже пословица про это есть: на Арене принцев нет.

– Тогда как? – нетерпеливо спросила Джиад, и вправду не понимая, как двое влюбленных безумцев собирались обмануть огромную Арену, наверняка полную зрителей.

– Награждают троих, – повторил Кари, не забывая осматриваться вокруг и поглядывать вниз, где выписывал петли и пируэты рыбозверь с прижавшимся к нему седоком. – А каи-на Кассии надо было просто войти в дюжину лучших. На салту принца и с его выучкой – дело нехитрое. Судьи отметили бы победу, а потом все салту сворачивают во-о-он туда.

Он показал на небольшое темное пятно в стене Арены.

– Это проход в загоны. Чтобы возбужденные звери не устроили драку, ездоки заплывают туда по очереди, как и выплывают на Арену. По жребию, кому какой номер выпал. Принц должен был ждать в загоне, а мы с Дару – следить, чтоб никто туда не сунулся. Никто бы и не полез. Понимаете… каи-на Кассия… в общем, она частенько ждала его там после гонок…

Охранник смущенно опустил взгляд, и Джиад подумала, что очень даже понимает. Драка и состязания горячат кровь, а рыжий с ума сходит от гонок. Вон, как его накрыло после охоты, едва не разложил Джиад прямо на скотном дворе. То есть рыбном, или как его там. С Кассией же у Алестара была взаимная любовь, и после гонок возлюбленная ждала принца, зная, что все будет особенно страстно.

Джиад резко вздохнула, переживая внезапный острый приступ тоски. Руки Лилайна на теле, горячие бесстыжие губы… Как мало им досталось одного счастья на двоих, как недолго

вышло погреться у разделенного огня. Но если бы она встречала Лилайна из боя или с охоты, неужели отказала бы еще в одной радости? Горячем мужском удовольствии брать податливое и радостно принимающее тело, праздновать общую победу общим же наслаждением… О да, она понимала Кассию!

– Да, ясно, – уронила Джиад вслух. – А как тогда его высочество все увидел?

– Так круги-то длинные, – пожал плечами Кари. – Он успел бы посмотреть два круга со среднего яруса, там есть закрытые места для тех, кто хочет видеть Арену, но не хочет, чтоб видели его. А на третьем тихонько спустился бы вниз. Но салту… они и четверть Арены не проплыли, все случилось как раз напротив принца. Хуже и придумать нельзя…

– А все думали, что это Алестар? – тихо сказала Джиад, пытаясь представить ужас целого города, на глазах которого бешеные звери рвут не просто наследника, а почти живое божество.

Капризное, надменное, доставляющее хлопоты и беды, но единственный залог того, что жизнь города продлится.

Кари мрачно кивнул. Его даже передернуло от воспоминаний: явно потом досталось и охране. Но глупость охраняемого – это то, от чего и лучшие стражи спасти не могут, наверняка Ираталь и король это понимали, потому и оставили близнецов в прежней должности.

А еще у Джиад вертелось в голове что-то проскользнувшее в разговоре, такое маленькое, но очень важное… Что-то такое Кари сказал, совершенно на этом не задерживаясь, что она уже слышала раньше, только никак не могла вспомнить – где.

Она сломала себе голову, пытаясь поймать зудящую мысль, и почти уловила, но тут Алестар, описав последнюю сложную фигуру, поднял салту чуть ли не как коня – на дыбы, и рванул к ним. Разогнавшись так, что едва не проскочил мимо, все-таки остановился почти рядом: еще немного, и рыбозвери столкнулись бы носами. Похоже, это умение заставить салту быстро застыть на месте считалось у иреназе особенной лихостью, да Джиад и сама примерно представляла, какого мастерства требует подобное слияние с послушным, но тяжелым зверем. У нее бы и близко не получилось.

– Я предупреждал, что город сегодня ты вряд ли увидишь, – все с той же высокомерной надменностью бросил Алестар, не глядя на Джиад. – Арена же – вот она. Как, нравится?

– Не очень, – честно сказала Джиад. – Страшное место, ваше высочество.

– Страшное?

Рыжий воззрился на неё так, словно вообще первый раз увидел, у него даже брови взлетели вверх в растерянном удивлении.

– Ну да, – подтвердила Джиад. – Огромное, холодное и очень страшное. Простите, я понимаю, что это ваша гордость. То есть вашего города. Может, когда здесь не так пусто, все выглядит иначе, но сейчас…

– И ты… так легко говоришь, что боишься? – недоверчиво спросил принц, продолжая её разглядывать. – Ты? Не сирен, не ваших земных опасностей, а просто камней и воды? Ты, жрица бога войны?

Джиад молча пожала плечами, не зная, как объяснить, да и надо ли. Потом подумала, что все-таки стоит, очень уж жадно вглядывался в неё рыжий, даже вперед подался, прижавшись к спине салту так, что тот беспокойно пошевелил хвостом в ожидании приказа плыть.

– Ваше высочество, – сказала, наконец, Джиад негромко, чувствуя, что её слушает и принц, и Кари, и подплывший следом за Алестаром Дару. – Смелость не в том, чтобы ничего не бояться. Я не боюсь сирен, даже если снова с ними встречусь. Я их опасаюсь. Огонь может обжечь, в воде можно утонуть, змея может укусить, а враг – убить или предать. Это все опасно, все может причинить смерть, но бояться нет смысла, надо просто избегать этой опасности или сражаться с нею. Не лезть в огонь, например. И следить за врагами. А как сражаться с тем, чего не понимаешь? Эта Арена… Она так красива, что душа замирает. Но это красота богов, а не

людей. Я себя здесь чувствую, как во дворце великого короля, куда меня не звали. Даже хуже, потому что любой король – человек, а это творение богов…

– Это – творение не богов, – прервал её Алестар, выпрямляясь в седле. – Арену создал мой предок, первый тир-на Акаланте. Когда победил глубинного бога силой Сердца Моря, отдав за это свою жизнь.

– Знаю, – кивнула Джиад. – Господин Кари рассказал мне. Но разве это была его сила? Дитя может поднять меч отца и даже ударить им, но оно не может ни выковать этот меч, ни победить им в смертельном бою. В настоящем бою…

– А разве бывает ненастоящий бой? – как-то очень тихо и напряженно спросил Алестар, снова неуловимо подаваясь вперед. – Не говори мне про учебу, это другое. Меня тоже учили драться. Только непонятно – зачем. Когда наши воины умирали за Акаланте, я читал карты и слушал волны. Ты боишься Арены, жрица? А чего бояться мне? Между мной и опасностью всегда будет чья-то жизнь, понимаешь?

– Не всегда, – так же тихо сказала Джиад на этот последний яростный полувсхлип. – Нет, ваше высочество. У вас просто другой бой. Вы правы, бой – всегда настоящий. Особенно с тем, чего боишься…

– Я. Не боюсь. Ничего.

Блестящее жало длинного лоура сверкнуло быстро и зло, ужалило чувствительный нос дернувшегося салту. Не глядя больше на Джиад, Алестар заставил зверя развернуться и рвануть с места – вперед.

– Что это с ним? – растерянно спросила Джиад то ли у себя, то ли у мрачно замерших рядом охранников. – Что я такого сказала?

Долгое молчание было ей ответом. Потом заговорил Дару, хотя Джиад привычно ждала ответа скорее от Кари. Охранник медленно и тяжело ронял слова, позволяя вслушаться в каждое и услышать то, что осталось несказанным.

– Когда каи-на Кассия ушла к предкам, его высочество долго болел. Лихорадка длилась не одну неделю, его высочество пропустил похороны. И шестую гонку Игр, конечно. Никто и не ожидал, что он выплывет на Арену в дни траура. В седьмой он тоже не стал участвовать. Восьмая пришлась на то время, когда вы были на суше, а тир-на Алестар снова был болен. Правда, между ними было несколько малых гонок, и принц раньше их никогда не пропускал. Он вообще никогда не пропускал дни Арены. Раньше.

– Ох… – прошептала Джиад, понимая.

Яркие пятна жара на скулах, вцепившиеся в её руку пальцы. То ли стон, то ли плач: «Кас, Кассия… нет…» И целая ночь кошмаров – явно не первая. Увидев собственными глазами страшную смерть любимой, мог ли принц остаться прежним?

Да, Алестар держится холодно и надменно, он плавает на салту, даже охотится с таким бешеным вызовом опасности, что смотреть на него – и то страшно. А ему самому каково? Все считают, что принц справился с горем, пережил его и снова живет обычной жизнью. Спит с наложницами, нашел себе избранную, охотится и плавает на Арене… На пустой Арене, где нет ни зрителей, ни других салту. На Арене, где нет принцев и простолюдинов, где все равны перед песчаным дном, каменными столбами и холодной водой, заполняющей чашу гнева богов. На Арене, где он только и может посмотреть в лицо собственного страха, от которого не защитят ни охранники, ни отцовское войско, ни магия королевской крови. И если принц после ночи, наполненной ужасом и памятью о смерти, кинулся на Арену… биться наяву с тем, что не мог победить во сне…

Джиад глубоко вдохнула и выдохнула, глянула туда, где у дна снова металась между столбов яростная молния цвета старого серебра с едва заметным рыжим проблеском.

– А когда следующие гонки? – спросила она, не поворачиваясь к охранникам, не отрываясь взглядом от Арены, угрюмо нависшей над крошечной фигуркой, такой безрассудно нелепой, почти жалкой.

– Через полторы дюжины дней, – так же тяжело уронил Дару. – Девятые, последние.

– И он решил…

Решил, да. На Арену. Уже не пустую, а полную жадных глаз, следящих за каждым его движением. Глаз, помнящих другие гонки: кровавую муть в воде и мешанину тел… На Арену, к быстрой молчаливой смерти, выглядывающей из-за каждого столба, из оскаленной пасти собственного салту и других, плывущих впереди, рядом, позади…

Джиад затошнило от липкого холодного страха, хотя она никогда не отличалась особой боязливостью, да и сейчас вроде не с чего. Это не её дело… Рыжее хвостатое высочество хочет на Арену – пусть плывет. Но в памяти поднялся совсем другой страх: тугие порывы ветра в лицо, жесткая толстая веревка на поясе – и вторая, под ногами, ее конец теряется на другой стороне пропасти. А потом мастер-жрец подходит и молча отцепляет крюк запасной веревки с пояса. Все верно: даже упав, Джиад успеет схватиться за веревку под собой и добраться на руках – проверено не один раз. Она сможет, это точно! Нет никаких причин для страха, она десятки раз перебиралась через эту пропасть с запасной веревкой, нарочно соскальзывая, чтобы приучить разум не бояться, а тело и руки действовать быстро и спокойно. Она сможет…

Старый, давно пережитый и намертво убитый страх скалился, спрашивая: «А помнишь, как тебе было? Тебе, с детства воспитанной воином, умелой, гибкой, с железными от постоянных тренировок пальцами и запястьями, верящей в свою судьбу и милость Малкависа. Чего ты боялась? Помнишь, как ступала по проклятой веревке, едва дыша, а потом тебя долго рвало водой и желчью на другой стороне, на маленьком, только развернуться, уступе над пропастью? И когда ты шла обратно, голова кружилась от слабости – ничего не ела накануне, не смогла. Ты дошла, села на землю, и мастер-жрец положил тебе ладонь на плечо, и счастливее тебя не было человека в мире. Помнишь, каково играть втроем? Ты, твой страх и твоя смерть…»

Двое близнецов-охранников, похожих друг на друга, как две ладони, и все же неуловимо разных, смотрели на Арену. И на мгновение Джиад показалось, что серые дуги рядов заполнены серебром чешуи, разноцветьем нарядов и причесок, лицами, машущими руками… Но нет, это просто снова окатило пришедшим издалека шквалом чужих чувств. Зато вспомнилось и резко, остро кольнуло: спящие в Бездне. Глубинные боги, о которых говорили близнецы – и сирены. Это спящие велели сиренам убить принца иреназе, наследника Сердца Моря, способного усыпить вулкан и напугать бога.

ГЛАВА 4. Любовь чужая и своя

На втором малом круге Алестар понял, что сегодня все впустую. Его Серый, обычно такой покладистый и старательный, упрямился все сильнее. Алестар всем телом чувствовал, как растет напряжение в могучих мускулах зверя, как нервно и зло салту работает хвостом, огибая столбы, а останавливаясь, едва сдерживается, чтоб не попытаться укусить. Гонять верхового салту в таком настроении – бесполезно и даже опасно. А показав зверю, что можно и не подчиниться ездоку, загубишь труд многих тренировок.

И потому за очередным столбом Алестар остановил Серого не рывком, а плавно, позволив проплыть сколько хочется. Соскользнул с седла, погладил чувствительную кожу над глазами, и успокоившийся салту ткнулся мордой в его плечо, словно извиняясь.

– Что, малыш, настроения нет? – хмыкнул Алестар, почесывая Серому нос. – Понимаю, сам бы кого-нибудь покусал. На охоту махнуть, что ли?

Серый игриво махнул хвостом, не понимая слов, но чувствуя, что хозяин не сердится, и Алестар вздохнул. Охотиться с охраной – только рыбу смешить. Ну какое удовольствие гнать дикого салту или лезть в расщелину к маару, зная, что ничем не рискуешь? Разве это честная победа, когда за твоей спиной пара лучших бойцов королевства, всегда готовых прийти на помощь?

Он оглянулся назад, отыскал взглядом три парящих над склонами Арены фигуры. Лиц, конечно, с такого расстояния видно не было, но Джиад держалась в седле совсем иначе, с близнецами её не перепутать. Вон, плавает между охранниками. Алестар закусил губу, вспоминая странный разговор, что случился у них. Жрица говорила о страхе. И её слова звучали, как ответ на самые потаенные мысли, те, в которых он даже самому себе признаваться не хотел. Можно ли победить собственный страх? Ночью ему снова снилась Арена, кровавая муть в воде, круговерть стремительных силуэтов и собственные крики…

– Тихо, тихо, – проговорил Алестар, гладя салту, беспокойно дернувшегося от его резкого движения. – Спокойно…

Судорожно вдохнув, он отвернулся и посмотрел на дальний конец Арены, уже тонущий в полумраке вечера. Не время вспоминать сны, тут бы разобраться с тем, что творится наяву. Отец до сих пор сомневается, но ведь кто-то травил Алестара гарнатой. И кто-то убил чистильщика Галифа, а потом и целителя. Дыхание Бездны в его спальне, сирены чуть ли не в городе… Что творится в Акаланте? И чем вообще занимается Ираталь? А если завтра неизвестный враг устроит покушение на короля?

По спине пробежал озноб, как от ледяной струи придонного течения. Сама мысль, что кто-то может причинить вред отцу, казалась кощунственной, но разве не был он раньше уверен и в собственной безопасности? А оказалось, что родной, до капельки знакомый и любимый город полон ядовитых тварей, прячущихся за личинами подданных, близких, друзей. Раз уж даже во дворце… Но кто? Слуги? Наложницы? Жрецы или каи-на из королевского Совета? Как же мерзко подозревать всех, не зная виновного!

Салту тихонько заурчал, разомлев под его мерными поглаживаниями, и Алестар снова вернулся в седло. Арена и охота подождут. Отца сейчас беспокоить нельзя, но Ираталя-то можно? Самое время кое о чем расспросить того, кто должен беречь покой королевской крови!

Но не успел он тронуть салту лоуром, как тот вскинулся, задрав нос, вильнул хвостом, и пришлось глянуть вправо, куда тянулся мордой его зверь. Двое всадников спускались вниз, и одного Алестар сразу узнал по светлым волосам, будто светящимся в темной воде.

– Эруви, – радостно выдохнул он, подаваясь навстречу подплывшей девушке. – Чистой воды тебе! А это твой избранный?

– И вам чистой воды, мой принц! – просияла улыбкой Эрувейн. – Позвольте представить – Даголар ири-на Карианд.

– Рад встрече, – кивнул Алестар, с любопытством рассматривая высокого кариандца, почтительно склонившего голову и приложившего руку к сердцу. – Как вам нравится Акаланте, ири-на Даголар?

Что ж, ничего особенного в нем не было, даже непонятно, чем могла увлечься Эрувейн. Аристократы Карианда, приплывавшие в гости ко двору, на взгляд Алестара казались слишком бледными и тонкими, как растения, лишенные света, но Даголар больше напоминал суаланца или маравейца – крепкий, плечистый, со скуластым лицом и глубоко посаженными темно-синими глазами. Только бледная до полупрозрачности кожа выдавала в нем жителя глубин, да темно-русые волосы были убраны непривычно: подбриты на висках, а сзади и сверху заплетены в сложную косу, скрывающую их длину.

– Ваш город прекрасен, тир-на, – откликнулся караиндец низким голосом с тягучим кариандским выговором. – А за то, что Акаланте подарил мне счастье, я готов вечно просить у Троих всех благ и процветания для него.

По мнению Алестара, уложив на песок одну из знатнейших девушек двора, да еще и такое чудо, как Эруви, кариандскому купцу и впрямь следовало благодарить Троих днем и ночью до конца жизни. Ведь одни Трое знают, как у них сладилось, если Эрувейн отказалась от блестящих партий, которые ей давно предлагали лучшие семьи Маравеи, Суаланы и того же Карианда. Положим, в Суалану родители никогда бы Эрувейн не отпустили: её старший брат погиб на войне. Но Маравея или Карианд – почему нет?

– Да, Трое и вправду взглянули на вас, – отозвался он вслух, улыбнувшись кариандцу как можно любезнее. – Я вижу, моя подруга детства счастлива. Но боюсь, Эруви будет нелегко привыкнуть к темным глубинам Карианда, она любит солнечный свет и теплые воды.

– Алестар, я привыкну к чему угодно!

Щеки Эрувейн вспыхнули румянцем, а кариандец чуть нахмурился и тронул пальцами спину своего салту, словно стараясь скрыть замешательство. Зверь у него тоже был хорош. Не такой крупный, как акалантские, но длинный и хороших пропорций. А главное, в седле кариандец лежал с непринужденным изяществом опытного наездника, и его лоур спокойно висел на крючке, что могут позволить себе немногие.

– Это верно, тир-на, – сказал вдруг Даголар, к удивлению Алестара не став спорить и защищать родной город. – Признаться, меня тоже беспокоит, как Эрувейн сможет жить там, где гораздо глубже и холоднее. И я хотел просить у вашего отца позволения остаться в Акаланте.

– Остаться? – вскинул бровь Алестар. – Вы хотите войти в семью Эрувейн?

Эруви снова покосилась на избранника так влюбленно и радостно, что у Алестара на языке замерла колкость о том, что кариандец – неплохой купец, если так быстро сообразил, что выгоднее войти в семью каи-на, чем взять девушку из нее в свою собственную. При ком-то другом мог бы съязвить, но не при Эрувейн…

– Мне все равно, – пожал плечами Даголар, встречая его взгляд спокойно и уверенно. – Жить в Карианде непросто даже тому, кто привык к этому с детства, а уж после теплых и светлых вод… Я хочу, чтоб Эруви была счастлива и здорова. Да и ей не придется уплывать от своих родных.

– А вам – от ваших? – спросил Алестар хмуро. – И как же ваша торговля?

Что ж, если этот кариандский маару искренен, за Эруви можно только порадоваться. Не каждый согласится ради избранной оставить родной город и войти в чужой дом. Но это если он искренен. А вдруг нет?

– Родители давно присоединились к нашим предкам, а главой семьи станет мой брат, – безмятежно откликнулся Даголар, все так же неосознанно поглаживая спину салту перед седлом и будто невзначай показывая обручальный браслет. – Торговля же от меня никуда не уйдет.

В последнее время торговать жемчугом выгоднее с Маравеей, а не с Суаланой, но вам, ваше высочество, это, наверное, неинтересно.

– Отчего же, – невозмутимо сказал Алестар, незаметно разворачивая салту, чтоб глянуть в сторону охраны и Джиад, так и плавающих в сотне гребков от них. – Мне любопытно. Это из-за болезни жемчужниц в Суалане? Мне говорили, что жемчуг подорожал.

В глазах кариандца явно мелькнуло удивление, и Алестар мысленно поблагодарил Санлию, рассказавшую последние новости.

– Пока еще нет, – помолчав, ответил Даголар. – Цена на жемчуг еще держится прежней, но перламутр и вправду дорожает. Я не думал, что о болезни суаланских плантаций известно в Акаланте, суаланцы держат ее в секрете.

– Но вы же это знаете, – парировал Алестар, окончательно приходя к выводу, что Даголар ему не нравится. Слишком уж непринужденно держится для простого купца. И слишком похозяйски смотрит на Эруви, а та откровенно млеет и сияет, стоит взгляду глубинника упасть на неё. И вообще, что он о себе возомнил? Что наследный принц Акаланте не может знать того, что известно простому купцу?

– Да, я знаю, – коротко согласился Даголар, неуловимо подавая назад слишком приблизившегося к Алестару салту.

Это он сделал правильно. Зверь лез к Серому, чтобы потереться носами, как это при знакомстве делают самцы, но потом салту по каким-то своим непонятным законам или молчаливо признают главенство одного из них и ведут себя соответственно, или пытаются устроить драку. Алестар, конечно, не сомневался, что сможет совладать с Серым, а вот зверь кариандца выглядел хоть и обученным, но норовистым.

– Не беспокойтесь, ваше высочество, мой не кинется без разрешения, – ответил на его мысли кариандец.

Он еще и отличный ездок. Последней каплей стал блеск рукояти подаренного кинжала, когда кариандец наклонился, строго хлопая салту ладонью по носу. Ну да, Алестар сам сказал, что Эрувейн может отдать подарок жениху, но почему-то увидеть кинжал на чужом поясе оказалось особенно обидно. Он-то выбирал для Эруви!

– Не сомневаюсь, – ласково сказал Алестар, в упор глядя на Даголара и старательно не замечая, как Эруви пытается что-то сказать. – Похоже, с салту вы управляться умеете… Но не все любят крепкую руку.

Глаза кариандца блеснули. Алестар ждал ответа, мысленно пообещав себе, что придерется к любой дерзости и поставит наглеца на место, вот только как бы сделать это без Эруви. И тут Даголар сам помог ему.

– Прошу прощения, ваше высочество, не ваша ли избранная плавает вон там?

– Моя… – уронил Алестар.

– Эрувейн хотела лично пригласить её на свадьбу, – безмятежно пояснил кариандец, поворачиваясь к нареченной и притрагиваясь к её плечу быстрым уверенным движением. – Верно, любовь моя?

– Да, конечно, – отозвалась Эрувейн с явным облегчением. – Прошу прощения, я покину вас ненадолго.

Она торопливо тронула салту с места. Даголар проводил девушку взглядом, потом повернулся к Алестару, снова хлопнув своего настырного зверя по носу, и заявил с полнейшей невозмутимостью и совершенно учтиво:

– Кажется, тир-на Алестар, я вам не нравлюсь.

– Вы очень откровенны для купца, – буркнул Алестар, слегка опешив от такого начала, но уже чувствуя азарт. – В торговле не мешает?

– Напротив, даже помогает, – улыбнулся Даголар, явно намеренно поправляя на поясе рукоять кинжала. – Кстати, прошу прощения, что еще не поблагодарил вас за прекрасный подарок.

– Благодарите Эруви, – отозвался Алестар и небрежно поправился: – То есть Эрувейн. Извините, я привык звать её так, мы дружим с детства.

– О да, я знаю, – снова блеснул глазами кариандец. – Как и о том, что моя избранная когда-то была влюблена в вас.

Даже его непривычный выговор не помешал расслышать едва уловимое ударение на словах «моя» и «когда-то». Ах ты ж, маару глубинный.

– И что? – вскинул Алестар бровь. – Полагаю, это никак не помешало вам проявить свои чувства?

– Не помешало и не помешает впредь, – улыбнулся Даголар той же быстрой легкой улыбкой, что и раньше. – Я верю своей избранной. И знаю, что в Акаланте, как и в Карианде, чужие брачные узы священны. Кому как не повелителю хранить традиции?

– Я смотрю, вы уже привыкли считать традиции Акаланте своими? – усмехнулся Алестар. – Не рано ли? Отец ведь может и не согласиться на вашу просьбу.

– Что ж, – пожал плечами кариандец. – Моя семья с радостью примет Эрувейн, и я постараюсь сделать её счастливой даже в Карианде. Конечно, если ваше высочество считает, что сделает благое дело, отправив подругу в купеческую семью глубинников, я никак не смогу это изменить.

Проклятые глубинные боги! Переиграл вчистую! Да, вышвырнуть нахала из Акаланте было бы делом нескольких оброненных слов, но это ударит по Эруви. Ей, и впрямь любящей солнце и теплые прибрежные воды, в Карианде придется несладко. И еще неизвестно, сможет ли она стать своей в купеческой семье, а каи-на Карианда вряд ли примут жену купца в свой круг. По всему выходило, что Эрувейн следует остаться здесь.

– Ваше высочество, – склонил голову Даголар в неожиданно почтительном, но не подобострастном поклоне и тут же выпрямился. – Простите за откровенность, но вы мне тоже не слишком нравитесь. Чересчур много слухов ходит по Акаланте о вас, вашей избранной и о… многом другом. Вы считаете Эруви другом? Что ж, вам лучше знать, хотите ли вы ей счастья.

– А вы уверены, что сделаете её счастливой? – тихо сказал Алестар немеющими от ярости губами. – Может быть, Эруви достойна большего?

– Это решать самой Эруви, – с мягким спокойным достоинством ответил кариандец. – Я горд и счастлив её выбором, и моя жизнь принадлежит ей в Карианде, в Акаланте, да хоть на краю света. И я бы очень хотел остаться в Акаланте и стать его верным подданным. Но если я пойму, что ваше внимание к Эруви далеко от… дружеского…

– Вы возьмете её в охапку и вернетесь в Карианд? – угрюмо съязвил Алестар, пытаясь скрыть замешательство от слов и тона Даголара и чувствуя, как отступает злость.

– Нет, в Маравею, – серьезно ответил кариандец. – Я маравеец по матери, там у меня родичи и торговые связи. Я люблю Карианд, но знаю, что он умирает. Уж вы-то должны понимать, почему я не хочу везти Эрувейн туда. Я бы и остальную семью забрал с радостью. Суаланские жемчужницы – это только начало. Всем нам предстоят тяжелые времена, но если Акаланте и вправду храним богами, лучше бы Эруви остаться здесь. Маравея – это на крайний случай.

Сейчас он держался совсем иначе, голос стал едва ли не просительным, хотя было видно, что просить Даголар не привык. И Алестару стало почти стыдно, потому что он ясно понимал: на самом деле кариандец просит за Эрувейн. Значит, он действительно любит Эруви? Если только это не маска, чтобы втереться в доверие, войти в богатую и знатную семью, а потом еще и родичей сюда своих перетащить – сам обмолвился. Но причем тут жемчужницы Суаланы?

И что Алестар должен знать об умирающем Карианде? С чего вообще Даголар несет такие глупости о древнем и могущественном городе? Хотя сейчас речь не об этом.

– Теперь послушайте меня, ири-на Даголар, – сказал он, отбросив пока все непонятное. – Чтобы ни говорили слухи и сплетни, я не прошу верить мне, но не смейте ни в чем подозревать Эруви. Она была мне дорога задолго до вашего появления, и сейчас ничего не изменилось. Мы всегда были только друзьями, слышите? И как друг я сделаю для неё все что угодно. Хотите остаться в Акаланте? Извольте, я сам поговорю с отцом и попрошу его об этом. Но если я узнаю, что вы запечатлели Эруви ради выгоды или обидели её… Я вас в медузью слизь разотру, Даголар. Эруви мне как младшая сестра, клянусь Тремя.

– Я понимаю, ваше высочество, – так же ровно откликнулся Даголар. – И если так – тем лучше. Простите, вот она возвращается с вашей избранной. Могу я надеяться, что при Эруви…

– Можете, – буркнул Алестар, поворачиваясь к плывущим.

Быстрый внимательный взгляд Эрувейн он выдержал почти с чистым сердцем, даже заставил себя как можно теплее улыбнуться. И подтвердить обещание приплыть на свадьбу. Непременно с каи-на Джиад, как же иначе? Упомянутая каи-на Джиад тоже улыбнулась, причем куда искреннее. Кажется, Эрувейн и жрица понравились друг другу, и от этого немного потеплело на сердце. Даголар смолк, лишь изредка из вежливости роняя пару слов, зато Эрувейн разговорилась и болтала за всех, рассказывая легенды Арены, а потом потащила их к Камню Неизвестного Бога, и Алестар только молча подосадовал, что сам не сообразил отвести туда Джиад.

– Что это? – с любопытством спросила жрица, когда, проплыв всю Арену, они оказались у высокой каменной стелы, покрытой полустертыми письменами.

– Пусть Алестар вам расскажет! – провозгласила Эрувейн, устав поддерживать видимость беседы в одиночку. – Аль, пожалуйста!

– Я знаю не больше остальных, – пожал Алестар плечами. – Говорят, здесь написано имя Неизвестного Бога. То ли одного из детей Троих, рожденных ими для суши, то ли и вовсе глубинных. Но говорят, что раз в жизни можно приплыть сюда, оставить в жертву монету и попросить.

– О чем попросить?

Джиад и Даголар разглядывали Камень, подплыв ближе, Эрувейн сияла, словно сам Неизвестный Бог только что лично обещал исполнить её желание, а Дару и Кари с непроницаемыми лицами терпеливо ждали, выглядя точь-в-точь, как родители, взирающие на неразумных чад. Не верят в силу Неизвестного Бога? Ну и ладно, их дело.

Сам он свое желание потратил давным-давно, еще в детстве. Отец первый раз взял его на Арену, а после гонок Алестар тихонько сплавал к Камню, о котором рассказывали друзья, и бросил к подножью камня монету, зажмурившись и прошептав самое-самое заветное, что мог придумать. Он впервые увидел в тот день последние большие гонки. Арена была полна звуков, красок, счастливых азартных лиц, а внизу, в плотной светлой зелени воды, летели десятки стремительных зверей с приникшими к их спинам седоками…

Что еще он мог тогда пожелать, кроме глупости? Ну вот, сбылось. Уже который год подряд его называют лучшим наездником Акаланте. Неизвестный Бог исполнил желание, но сейчас Алестар с радостью вернул бы тот момент, чтобы сказать на ухо себе, тогдашнему, что слава повелителя Арены не принесет ему ничего, кроме горя. Если бы он тогда отказался от предложения Кассии…

– О чем угодно, – хмуро сказал Алестар под скрестившимися на нем взглядами. – Говорят, что Неизвестный исполняет любое желание, если оно действительно заветное. Но только одно.

Даголар с решительным лицом полез в кошель на поясе, вытащил горсть монет, выбрал самую большую. Спрыгнув с салту, почтительно положил монету в горку других: ржавых, позе-

леневших, тускло поблескивающих или покрытых патиной. Все дно перед Камнем было усеяно круглыми, квадратными, целыми и продырявленными монетками из всевозможных металлов. Золотой кариандца упал в общую груду, мгновенно слившись с ней, будто уйдя вглубь, пока Даголар, по-детски зажмурившись, что-то шептал себе по нос, а потом торопливо обернулся к избранной.

– А вы, госпожа Джиад? – Эрувейн улыбалась, явно не сомневаясь, что желание кариандца имеет отношение к ней. – Ваш бог не обидится, надеюсь?

– Малкавис? Нет, конечно… – как-то растерянно сказала Джиад, глядя на кучу монет, расстилающуюся у подножья Камня. – Но я…

Теперь все смотрели на человека, и Алестар подумал, что хотел бы узнать желание Джиад. Вдруг получится исполнить? Но о чем может просить жрица? О свободе? О мести ему? Или, может быть, у неё есть настоящая мечта? Заветная, невозможная…

Джиад, проведя ладонью по поясу, вдруг просветлела лицом. Только сейчас Алестар заметил, что у жрицы нет кошеля, а золотой кругляш, блеснувший в пальцах, она вытащила откуда-то из одежды.

– Можно? – спросила Джиад то ли у них, то ли у Камня, но все иреназе разом закивали, даже Кари с Дару.

Покинув седло, жрица подплыла к Камню и несколько минут разглядывала знаки на нем, даже стерла рукавом легкий налет мха сбоку. Затем, будто опомнившись, бережно положила монету к подножью, шепнула что-то, склонив голову, и вернулась к салту.

К проходу с Арены возвращались молча. Даголар и Эрувейн, попрощавшись, уплыли дальше, и Алестар их понимал. Слишком часто смотрели эти двое друг на друга, и даже их салту плыли совсем рядом, повинуясь воле хозяев, так что кариандец мог постоянно касаться то плеча, то волос Эруви, а та всякий раз вспыхивала, как утренняя заря. Видеть это было сладко и больно, внутри ныла дурацкая мучительная обида, напоминая, что если бы не его глупость и жестокость, сейчас и он мог бы так… Но с кем? Если бы тогда он не запечатлел Джиад…

Окончательно запутавшись, Алестар не сразу понял, что Джиад, плывущая рядом, что-то спрашивает.

– Что? – переспросил он, выныривая из мерзких, как грязная вода, мыслей.

– Этот Неизвестный Бог, – терпеливо повторила Джиад. – Откуда взялся его камень?

– Понятия не имею, – снова пожал плечами Алестар. – В незапамятные времена то ли нашелся на затонувшем корабле, то ли штормом принесло.

– Ну, из Чарисы такую махину никакая буря не приволокла бы, – задумчиво отозвалась жрица. – Там на чарийском надпись. Но я старый чарийский почти не знаю, да и буквы полустертые. Всего одно слово разобрала.

– Слово? Какое? – Алестар никогда не слышал о Чарисе, где бы она ни находилась.

– Всеядное, – серьезно сказала Джиад, только глаза у неё подозрительно блестели. – Не знаю, как зовут Неизвестного Бога, но на камне написано что-то про всеядное жи.

– Жи?

– Да. А дальше ничего не видно, – с сожалением подтвердила Джиад. – Но надеюсь, что просьбы этот Жи-как его-там действительно исполняет.

– А о чем ты просила? – стараясь говорить равнодушно, бросил Алестар.

– Я? Ни о чем, – легко и как-то грустно улыбнулась жрица. – Моя судьба в воле Малкависа, ему и решать, что с ней делать. Это была чужая монетка. Я попросила, чтобы Неизвестный Бог исполнил желание того, кто дал мне ее. И чтобы это исполненное желание не пошло во вред, конечно. Люди не всегда осторожны в желаниях.

– Это… точно, – с трудом выговорил Алестар, понимая, что не может и не хочет узнавать, кому принадлежит проклятая монета и чье счастье для Джиад дороже собственной мечты. Без того слишком больно.

***

Хорошенькую юную иреназе с копной вьющихся светлых волос и нежным лицом Джиад помнила по охоте. Девушка еще осадила тогда Миалару с удивительной для такого цветочка решительностью… Сейчас Эрувейн сияла от счастья, как начищенная пряжка на поясе новобранца. Или как обручальный браслет – широкий, золотой с россыпью синих камешков – что охватывал её запястье. Приглашая каи-на Джиад на свадьбу, девчушка то и дело трогала явно тяжелое для её руки украшение, каждый раз поглядывая на него со смущенной радостной гордостью. Это было так умилительно, что Джиад невольно позавидовала и про себя от души пожелала счастья, вслух пообещав прийти, если на это будет воля принца Алестара и его отца.

И, конечно, её тут же поволокли знакомиться с женихом.

Пока Эрувейн щебетала, как целая стая веснянок, Джиад обменялась короткими вежливыми поклонами с Даголаром ири-на Карианд и, присмотревшись, решила, что кариандец – вполне достойная партия. Гораздо старше Эруви и не слишком хорош собой, он источал спокойную уверенность, а во взглядах на избранницу читались непоказные внимание и нежность. И тем более было непонятно, почему Алестар так мрачен и угрюм. Явно что-то не то звенело и дрожало между ним и опасно-спокойным кариандцем, будто невзначай пустившим салту как раз между принцем и своей нареченной. Неужели у рыжего что-то было и с Эруви? Но Миалара говорила, что наоборот…

Окончательно запутавшись, Джиад смиренно выслушала кучу и вправду интересных рассказов об Арене, проплыла за всеми к Камню и бросила бы монету – жалко, что ли? – но в последний момент поняла, что денег у неё как раз и нет. Вот ни монеты, в самом деле! Кошелек остался то ли в хижине наемников, то ли у Лилайна – она уже и не помнила. Но точно знала, что просить у Алестара не будет.

И вдруг Джиад поняла, что одна монета у неё есть! Будто кто-то толкнул под локоть, рука сама потянулась к потайному кармашку в поясе, куда она еще в Адорвейне спрятала золотой рыжего конюшонка. И стоило тяжелому кругляшку лечь в ладонь, как Джиад всей сутью поняла, что вот это – правильно.

Склоняясь к подножью чудовищно старого жертвенника Неизвестного Бога, она безмолвно пожелала счастья мальчишке. О чем попросил бы сам рыжик? О новой семье, настоящем достойном ремесле, удаче в жизни? Этого было слишком много для одного желания, и Джиад, бросая монетку, проговорила про себя древнее благословение жрецов Малкависа: «Пусть судьба ведет его верным путем через достойную жизнь к счастливой нескорой смерти». А когда монета упала, странно мягко и тяжело даже для золота, поняла и поверила сердцем, что слова её кем-то услышаны.

Эруви с Даголаром уплыли, еще раз заручившись обещанием непременно и обязательно прибыть на свадьбу, а Джиад осталась наедине с Алестаром, еще сильнее помрачневшим, хотя куда уж… Дару и Кари смотрели непроницаемо, им в отношения благородных каи-на не полагалось вмешиваться по должности, а Джиад вдруг поняла, что устала. Не столько телом, сколько душой устала от недомолвок, дурного настроения рыжего, любопытных взглядов, как бы вежливы и сдержанны эти взгляды ни были. Арена давила, нависая чудовищной тяжестью каменных глыб, в висках ломило и тянуло, хотелось протянуть руки к огню, выпить горячего – и не опостылевшей тинкалы, а вина или даже молока…

– Возвращаемся в город, – хмуро бросил Алестар и тронул салту, выплывая вперед, за что Джиад была рыжему почти благодарна: хоть не придется видеть по дороге его недовольную физиономию.

Подумалось, что сейчас она и на тинкалу согласится – лишь бы погорячее и послаще. Единственная радость в море – тепло. И попросить, что ли, земной еды? Достали же ее в прошлый раз, а теперь иреназе с людьми дружат куда больше. Уже привычно держа салту вслед зверю Алестара, Джиад подумала, что напрасно прячет от себя самой собственные мысли. Еда – лишь предлог послать весточку Лилайну, узнать, что с упрямым наемником. Король иреназе должен разрешить, он клялся обходиться с ней как с гостьей, а не пленницей…

Черная громада дворца выросла впереди неожиданно, даже звездная россыпь огней туарры на стенах и в окнах почти не давала света в кромешной мгле ночного моря. Вдобавок, отчетливо похолодало, и Джиад невольно зябко поежилась.

Но в комнате, куда они с рыжим так же молча вплыли, оставив за дверью охрану, показалось чуть ли не холоднее, чем снаружи. Принц даже буркнул что-то удивленно, потом подплыл к стене и тщательно осмотрел ее там, где когда-то открыл потайной ход, но лишь в недоумении пожал плечами:

– Холодно, как в Бездне… Тинкалы хочешь?

Джиад молча кивнула, устало опускаясь на ложе и по привычке натягивая на колени покрывало, хотя толку от этого в воде было чуть больше, чем никакого. Рыжий дернул за рычаг, рявкнул на кого-то и вскоре сунул ей в руки блаженно горячий кувшинчик.

Если бы еще тинкала не остывала так быстро… Спеша выпить поскорее, Джиад чуть не обожгла губы и язык, сама разозлилась на свою жадность. Алестар справился с горячим питьем так же быстро, но куда изящнее, глянул – показалось, что с насмешкой. А потом придвинулся ближе и, повернувшись лицом, обнял за плечи онемевшую от такой наглости Джиад. Забрал у неё кувшинчик, нависая сверху, заглядывая в лицо жадными, расширенными от возбуждения зрачками, нетерпеливо отбросил пустую посудинку в сторону…

– Мы так не договаривались, – едва разжимая губы, процедила Джиад, тоже глядя в упор, не отводя взгляд, как не отвела бы его от готового кинуться зверя.

– И что? Тебе пары поцелуев жалко?

На мгновение мелькнула мысль, что Алестар снова под какой-то дурью, так лихорадочно блестели у него глаза. Джиад замерла, не сопротивляясь, но уже рассчитывая, куда ударит в случае чего. И принц, словно почувствовав её готовность сопротивляться, чуть отодвинулся, запрокинул назад голову, отбрасывая с лица мешающие пряди, плеснул широким плавником хвоста, пустив по телу Джиад упругую волну. Проговорил зло и как-то беспомощно:

– Я обещал, что не трону. Поклялся. Ты мне не веришь?

– Простите, ваше высочество, – тихо и очень мягко отозвалась она. – Я верю, но у моего тела другая память.

Внутри и вправду поднималась холодная брезгливость, желание немедленно оттолкнуть, убрать от себя, вырваться любой ценой… Джиад напряглась, закаменела, не позволяя себе самое простое и подходящее – ударить.

– Я обещал! – яростно выплюнул Алестар. – Почему ты не хочешь поверить мне хоть немного? Я люблю тебя, понимаешь?

– Тех, кого любят, ни к чему не принуждают, – так же бесцветно напомнила Джиад, заставляя себя отвести взгляд от шеи рыжего, где так заманчиво и уязвимо билась маленькая жилка. – Вы не любите, вы хотите.

– А если и так? Я же хочу удовольствия для обоих, не только для себя. Память? Ладно, я понимаю. Так дай мне возможность все исправить, загладить, стереть…

Что он собирался заглаживать, сопляк дурной? Джиад едва не всхлипнула от непредставимого желания врезать по нечеловечески красивому лицу с ярко горящими глазами. Чтобы хоть что-то понял…

Нет, он не понимал. Смотрел, как умирающий от жажды на воду, и даже голос звенел негодующе. И он, наверное, действительно хотел быть ласковым, Джиад прислушалась к себе

и той смутной связи, что протянулась между ними, но там, на другом конце трепещущих от напряжения нитей, не было гнева, похоти или желания унизить. Но какая разница?

– Пожалуйста, – прошептал принц, наклоняясь к ней и на удивление осторожно касаясь губами плеча через рубашку. – Просто позволь мне, прошу. Я буду нежным, я сделаю все, как ты захочешь… Это может быть так чудесно…

Ох, не к добру они встретили эту девочку, Эрувейн. Что уж там при виде чужого счастья сорвалось внутри Алестара с привязи, оставалось только гадать, но он дрожал всем телом, умоляя, и ясно было, что сам потом не простит этого якобы унижения.

– Джиад… – рыжий поднял голову, глянул ей в лицо пьяными от желания глазами. – Моя Джиад… Моя избранная…

– Не ваша, – с трудом выговорила Джиад. – Никогда не была и не буду. Вы забыли, что обещали мне? Отпустите. Я не ваша избранная, вы меня взяли силой – и это забыли?

Напоминать о собственном позоре было мучительно больно и мерзко, но рыжего следовало остановить сейчас, пока совсем не обезумел. Прилив ли, оскорбленная гордость, Арена – все сразу плескалось в синих расширенных зрачках, кипело, как в ведьмином котле.

– Я просил прощения, – тающим ломким голосом напомнил Алестар. – Просил, умолял, помнишь? Мне действительно жаль. Сколько еще просить? А если ты никогда не простишь?

«А я должна?» – хотелось закричать Джиад, но она лишь сильнее стиснула пальцы на длинном ворсе покрывала, а потом медленно разжала их, уже понимая, что сейчас сделает. Понимая и принимая это знание с шалым восторгом.

– Простить? Вы и правда этого хотите? – спросила она с той же смертельной мягкостью, которой принц, знай он Джиад лучше, должен был бы испугаться.

– Да… – выдохнул Алестар, послушно отодвигаясь от нее, приподнявшейся и севшей на ложе.

Удар вышел безупречным. Резкий, прямой, вверх по кратчайшему пути к точно выбранному месту на скуле. Выбрасывая руку и доворачивая кулак пальцами книзу, Джиад уже знала, с каким звуком тот врежется в плоть. И что вода, скрадывающая силу движений, теперь сыграет на её стороне, не позволив сломать челюсть этому болвану. О, Малкавис, как же хорошо!

Мгновение растянулось, как падающая капля смолы, Джиад четким обратным движением отдернула руку, а в глазах Алестара только вспыхивали боль и недоумение. Недоумение!

– За что? – с трудом выговорил он побелевшими губами, медленно поднося и прижимая ладонь к распухающей щеке.

– Просто так. Потому что мне так захотелось. А теперь я прощу прощения. Очень прошу, от всей души. Действительно прошу прощения, понимаете? Ну как, сразу ведь перестало болеть?

Она слышала свой голос будто со стороны, певуче-ласковый, яростно-томный. И чувствовала себя натянутой тетивой, занесенным для удара клинком, готовясь – сама не знала к чему. Ударить еще раз? Отскочить, чтобы сдержаться? Бежать куда угодно?

Что-то изменилось в глубине смотрящих на неё глаз. Что-то дрогнуло. И сам принц открыл рот, но, не сказав ни слова, вдруг сорвался, оттолкнувшись хвостом, с постели. Взмыл над ней, развернулся и кинулся прочь из комнаты.

Джиад согнула колени, обхватила их руками, ткнулась лицом, чувствуя, как бьет тело дрожь. Если король решит, что она нарушила договор… Да плевать! Сколько же можно? Нет, она не будет просить ничего: ни земной еды, ни письма к Лилайну. Незачем лишний раз напоминать, что рядом есть близкий ей человек: побережье Аусдранга – это не далекая Аруба…

Но сожалеть о сделанном не получалось. Если рыжий решит пожаловаться – так тому и быть.

Сжавшись в комок, она просидела на постели не меньше получаса. А может, и дольше. Время то тянулось, то летело галопом, Джиад с трудом заставила себя дышать ставшей вдруг

очень плотной и соленой водой. В клетке запищал малек, и только это немного привело в чувство. Подняв голову, она принудила себя встать и доплыть до клетки, откинуть задвижку.

Рыбеныш, словно боясь, что она передумает, вылетел из клетки, кинулся к столику, где, кроме тинкалы, стояли тарелки с какой-то едой. Сунул морду в одну, потом в другую, торопливо захватал куски.

Джиад вернулась на кровать, снова села, обняв колени, уставилась в стену, слишком уставшая даже для молитвы. И даже не вздрогнула, когда почти рядом на ложе опустился уже знакомый хвост.

– Прости, – через несколько десятков вдохов сказал Алестар.

Она молча пожала плечами, не в силах даже открыть рот. Да и зачем? Что-то объяснять, уговаривать, доказывать?

– Прости, – хмуро, но спокойно повторил Алестар. – Я понял, правда. Ты как?

– Ничего, – с трудом разжала губы она.

– Поешь хоть. И ложись спать. Хочешь – уплыву?

– Не надо.

Рыбеныш ткнулся в колени, попискивая, носом поддел ладонь, удивляясь, что его не чешут и не гладят. Пришлось гладить. С другой стороны протянулась рука Алестара, и в какой-то миг их пальцы встретились на плотной гладкой шкуре. Встретились – и не отдернулись.

– Он тебе одежду погрызет, – предрек принц, глядя, как салру с упоением хватает и тянет край штанов Джиад. – И съест.

– Да вроде не голодный, – Джиад недоуменно глянула на разоренные тарелки. – Что, это все он? Вот ведь существо… всеядное…

– Жи, – фыркнул Алестар, отцепляя возмущенно огрызающегося рыбеныша и запихивая обратно в клетку.

– Что?

– Жи. Всеядное. Или сама его назови, как хочешь. Джиад…

Он снова опустился рядом. Неловко потянувшись, накинул ей на плечи покрывало, осторожно поправил, стараясь как можно меньше прикасаться. И Джиад молча легла, не столько принимая эту заботу, сколько не в силах отказаться от нее. Но, засыпая, с удивлением поняла, что не боится. Теперь – не боится. И вообще, легче – словно нарыв прорвало. У стены в клетке возился получивший имя Жи, а в спину плескали едва заметные волны – единственное, что выдавало присутствие Алестара. И подумалось, что надо бы поговорить. Обязательно надо. Но… завтра. Вот завтра, да.

ГЛАВА 5. Новости и знакомства

В отцовскую спальню Алестар вплывал осторожно, стараясь даже хвостом лишний раз не махнуть. Невис сказал, что королю лучше и он хочет видеть сына, но если уснул, то не надо будить. Это Алестар знал и сам, после долгой работы с Сердцем Моря всегда наваливается не просто усталость, а страшное бессилие. И хочется спать, спать…

Но отец не спал. Лежал в постели с книгой, рассеянно скользя взглядом по табличке, а увидев Алестара, сразу ее отложил.

– Отец… – выдохнул Алестар, подплывая и опускаясь на пол у ложа.

Поднял голову, вглядываясь в лицо, на котором помнил каждую черточку, но сейчас почти не узнавал. За несколько дней для повелителя Акаланте словно прошло десять лет – и лет нелегких. Под глазами набрякли темные мешки, морщины между бровями углубились, залегли резко, как трещины в гранитной скале. Зрачки – Алестар хорошо знал этот самый тревожный признак – помутнели, выцвели…

– Что, плохо выгляжу? – усмехнулся отец, как обычно прочитав все по его лицу. – Ничего, пока еще не все так страшно.

– В следующий раз к вулкану поплыву я, – сказал Алестар, опираясь локтем на край ложа по детской еще привычке. – Тебе нужен отдых, а я достаточно пришел в себя. Да и тренироваться надо.

Осекся, в последний момент поняв, что в его словах можно увидеть не один смысл, но отец медленно кивнул, разглядывая его пристально, будто хотел заглянуть внутрь.

– Надо, – сказал так же просто, словно не было всех этих сумасшедших недель, словно только вчера они разговаривали об обычных делах… – Скоро пригодится.

– Отец! – возмущенно выдохнул Алестар, плеснув хвостом так, что невольно всплыл над ложем. – Перестань, прошу!

– От того, что я перестану, ничего не изменится. Мое время уходит.

Он хлопнул ладонью по ложу рядом с собой, и Алестар послушно опустился, свернув хвост кольцом и обняв его руками. Это было совсем не по этикету, но так уютно… Если бы еще не разговор, который – уже было ясно – выдастся нелегким и неприятным. Приплыл, называется, узнать о здоровье.

– Как твоя избранная? – поинтересовался отец с мягкостью, которая могла бы обмануть кого угодно, но не Алестара.

– Замечательно, – буркнул он. – Вчера гуляли, я показал ей Арену. Потом… поговорили. Она меня терпеть не может, но все-таки терпит, честь ей и хвала. Когда проснулся, она еще спала.

Спала, завернувшись в одеяло, подтянув колени чуть ли не к подбородку, явно замерзнув… И Алестар, тихонько соскользнув с ложа, проплыл в угол комнаты и повернул рычаг обогрева до предела, ругнув себя, что не сделал этого раньше. Человеческая девушка наверняка мерзнет под водой, а он, бестолочь…

– Терпит… – задумчиво повторил отец. – Что ж, и это неплохо. У нас не так много времени. Принцесса Маритэль прибудет за неделю до Звездной ночи. Этого хватит, чтобы освоиться, познакомиться с тобой и быть представленной Совету Двенадцати.

– Я понял, отец, – ровно сказал Алестар, понимая, что именно такого ответа от него и ждут.

Звездная ночь – ночь влюбленных, ночь заключения помолвок и брачных договоров, красивый праздник, который принято встречать с тем, кого любишь. Обмениваться подарками, вместе смотреть на темное небо, усеянное звездами, которые то и дело срываются вниз. И каждый раз торопиться загадать желание, но не для тебя, а для той, кто рядом… И молчать,

не говорить ей, иначе не сбудется, только желать изо всех сил… Прошлую Звездную ночь он встречал вместе с Кассией – и где теперь все эти желания?

Что ж, значит, эту будет встречать с хрупкой большеглазой кариандкой. Совсем чужой, совсем не той…

– Рад, что ты понял, – согласился отец и протянул руку, положив ладонь на пальцы Алестара. – Нам нужен этот союз, очень нужен. Алестар, я хочу тебе счастья, разве может быть иначе? Но ты сам знаешь: наша жизнь принадлежит Акаланте. И наше счастье – тоже. Маритэль будет хорошей супругой, я узнавал. У нее мягкий нрав и прекрасные манеры, а ради нашего предложения король Карианда отказал нескольким завидным женихам.

– Еще бы он не отказал, – хмуро бросил Алестар, злясь на самого себя за упрямое раздражение, твердящее, что не нужна ему никакая покладистая красавица. – Отец, хватит, я все понял, правда. Союз с Кариандом нам нужен. Им, полагаю, он тоже не лишний. И если уж зашел разговор, то что там творится?

– О чем ты? – очень мягко и спокойно поинтересовался отец, только пальцы его, лежащие на руке Алестара, едва заметно дрогнули.

– О Карианде. О суаланских жемчужницах. О том, что сами кариандцы бегут из своих глубин. Что все это значит, отец?

Говорить о том, что ему известен самый краешек того, что знают едва ли не все вокруг, Алестар не стал. Раз он чего-то не знает, сам виноват. Но и обманывать отца не хотелось. Он вообще ненавидел врать, считая это признаком слабости и трусости, а уж отцу? Они всегда доверяли друг другу, и если отец о чем-то умалчивал, значит, на то были основания. Но сейчас… Сейчас все слишком серьезно. Для него, для Эрувейн и наглого глубинника, на которого подруга смотрит сияющими глазами, для будущего брака с Маритэль, в конце концов. Неужели отец не понимает, что Алестар уже вырос?

– Значит, тебе известно, – задумчиво сказал отец, убрав руку и потянув кончик заплетенной у виска, чтобы волосы не лезли в глаза, косички. – И что именно?

Ну да, глупо было и полагать, что с отцом удастся то, что прошло со жрецом в лабораториях.

– Почти ничего, – зло бросил Алестар. – И это неправильно, тебе не кажется? Я знаю, что Карианд умирает. Но как может умереть великий город? И что это как-то связано с тем, что в Суалане болеет жемчуг. Не скажу, что очень расстроен по этому поводу. Если Мать Море за что-то наказала Суалану – ей виднее.

– Перестань, – тяжело уронил отец, и Алестар мгновенно замолчал. – Недостойно радоваться чужой беде. А иногда еще и глупо. Жемчуг не болеет просто так, он чувствует, как меняется вода. Суалана ближе к Карианду, на них подействовало раньше, но и нас ждут неприятности. Они уже начались, но мы пока справляемся. Подумай, Алестар. Я не говорил тебе ничего, надеясь, что ты задумаешься сам, но, кажется, ошибся. Впрочем, тебе было не до суаланского жемчуга, признаю.

Вот и все: вместо выговора – несколько тщательно отмеренных слов, а у Алестара запылали уши и щеки, будто он снова попался на детской шалости. Причем какой-нибудь очень глупой. Ну, или просто на глупости, будем уж называть вещи своими именами.

Помотав головой, словно это могло выплеснуть из мыслей обиду, он старательно задумался. Суаланский жемчуг знает, что вода изменилась. Как могла измениться вода в Карианде? Почему? И как это связано с Акаланте? Неприятности… начались… Проклятье! Он болван! Безмозглая медуза умнее него! Не видеть настолько очевидного!

– Вулканы? – выдохнул он, подаваясь к отцу, впиваясь взглядом в его лицо. – Старший Брат просыпается не вовремя, не по временным картам. Бьют подземные источники, вода меняется, и суаланский жемчуг болеет!

– Верно, – уронил отец удовлетворенно, откидываясь на высокую подушку.

– Погоди, – торопливо выпалил Алестар. – Я сам! Если все дело в Карианде… У них тоже просыпаются вулканы? Но там их нет! Карианд живет над разломом, на краю великой Бездны… У них всегда было спокойно.

– Слишком спокойно, – уронил отец. – Кариандские короли щедро тратили силу своего Сердца Моря, сдерживая естественные изменения дна. Да, у них нет вулканов. Но есть разлом, уходящий в великую Бездну. Разлом, который за несколько тысячелетий должен был изменить свои очертания. Непременно изменил бы, не сдерживай его повелители Карианда.

– Зачем? – растерянно вопросил Алестар и сам ответил на свой вопрос: – Город, да? И шахты…

– Город и шахты, – подтвердил отец, и по его губам проскользнула улыбка, как и всегда, когда Алестар решал сложную задачку. – Карианд выстроен на склоне разлома, он живет за счет редких веществ, добывая их из открытых жил. Его рыбные фермы и дома обогреваются не горячими источниками, как у нас, а механизмами, работающими на земляном масле и дыхании земных недр. Это тончайшее и очень хрупкое равновесие, которое Карианд боялся менять слишком долго. Но что случается, если удерживать весы, на которые падают все новые и новые гирьки?

– Ничего хорошего, – мрачно заключил Алестар. – Так весы покачались бы, да и успокоились, но если запереть изменения дна, они накапливаются. Я помню уроки, отец. Не держать, а управлять, не запирать, а спускать пар… Разлом меняется, так? И меняется так сильно, что силы Карианда не хватает. Смыкается или расходится? Хотя какая, к глубинным, разница?

– Никакой, ты прав. Разлом меняется, а как – будет известно еще не скоро, потому что теперь изменения непредсказуемы. Может, кариандские жрецы и вычислили что-то, но пока это неважно. Карианд обречен. Еще несколько десятков лет, самое большее – столетие, и его облик изменится неузнаваемо. Полагаю, никто из оставшихся в городе этих изменений увидеть не успеет.

– А нас, значит, задевают отголоски? И будят наши вулканы?

Алестар оттолкнулся от ложа, заметавшись почти под потолком, выплевывая яростно:

– Как они могли? О чем они думали столько веков подряд? Жрецы, короли… Не могли же они быть настолько слепы, глухи и безумны? Губить не только свой город, но и все морское дно?! А если завтра проснется не только Старший Брат? Акаланте стоит на кратере! Если все три Брата проснутся одновременно, толчок будет таким, что… Да Глубинные пробудятся от такого толчка!

– Успокойся, – тихо уронил отец, и Алестар, сплюнув воду, которой наглотался от возмущения, снова опустился на ложе.

Вода, взбаламученная его хвостом, колыхалась по всей комнате, и оттого казалось, что стены дрожат.

– Успокойся, – повторил отец устало. – Это свойственно всем, и людям, и иреназе: думать, что беда придет еще не скоро, что можно потянуть время, пожить в сытости и довольствии. Я и сам надеялся, что еще несколько поколений изменения будут незаметны, а кариандские жрецы и ученые искали способы мягко успокоить разлом. У них вполне могло получиться, они уже зарастили несколько неглубоких трещин и проложили новые там, где было нужно. Просто… все случилось слишком быстро.

– Безумцы! – выплюнул Алестар зло. – Ладно, мы-то что можем сделать? И… куда они собираются из своего города?

Мысль была настолько простая и жуткая, что Алестар замер, осознавая ее, глядя на отца с испугом, и тот медленно кивнул, подтверждая.

– Они уйдут… – прошептал Алестар, с трудом узнавая собственный голос. – Уйдут из города в новые воды. А воды давно поделены, и лишних Трое не создали. Переселить целое королевство, найти всем пропитание… Будет война! Отец, это же… И мы тоже?

– Мы заключаем брачный союз с Кариандом, – тихо и ровно сказал отец. – И принимаем в город два десятка родов из тех, кто готов переселяться прямо сейчас. Знать Карианда разделилась надвое: одни требуют уходить немедленно, другие надеются выждать и даже предотвратить беду. В основном, это те, кто владеет шахтами, конечно. Акаланте примет тех, кто хочет уйти. Не всех сразу, но оставшиеся могут занять участки дна между нами и Суаланой. Там не слишком удачные места для жизни, но что-то всегда можно устроить, а кариандцы не в том положении, чтобы выбирать. Они благодарны и за это. Я мог бы потребовать руки не младшей принцессы, а любой из старших, но человеческая кровь…

– Кровь… Два десятка родов – это сколько?

Новости были чудовищными, Алестар чувствовал, что теряется под ними, как под ударом штормовой волны, даже сжался в комок, словно пытаясь смягчить удар.

– Около пяти-шести сотен взрослых с семьями. Еще примерно столько же заселят окраины. Много, но мы выдержим. Придется тяжело первые лет двадцать, но Акаланте нужна новая кровь, да и знания кариандцев пригодятся. Ради этого стоит потесниться, а брак с Маритэль тир-на Карианд укрепит союз.

– А Суалана? Маравея? Миралайн?

– Маравея примет десяток родов, но не больше, просто не смогут. Миралайн еще думает. Полагаю, они тоже возьмут немного. Суалана отказала. Им самим не хватает милости Моря, сказал король Суаланы.

– И потому он оставит сородичей погибать? Или милость Моря заранее учтена в его казне?

– Он думает о своем народе, – утомленно сказал отец. – И в чем-то прав. Суалане тяжело далась недавняя война. Да, их никто не звал в наши воды, но сложно жить рядом с богатым соседом, заглядывая в его сети и зная, что твои почти пусты. Карианд не придет в новые воды с пустыми руками, у них еще есть время собрать необходимое даже с избытком, но в голодный год золото дешевле водорослей.

– У меня только один вопрос, отец, – Алестар глубоко вдохнул и выдохнул, со странным равнодушием наблюдая, как поднимаются к потолку пузырьки воздуха. – Когда ты собирался рассказать мне все это? Почему я узнаю такие вещи из болтовни наложниц и просьб кариандских купцов? Или я проспал день, когда перестал быть твоим сыном и наследником?

– Алестар, Алестар…

Отец укоризненно покачал головой в ответ на обиду, невольно просочившуюся в его голос.

– Ты помогаешь мне с делами уже дюжину лет. Последние пять – наравне с моими советниками. И ты ничего не замечал? Не видел, как определенная часть продовольствия перерабатывается для хранения и отправляется на склады? Как копится земляное масло и рыбья кость? Как возделываются новые поля водорослей, куда больше, чем надо для прокорма Акаланте?

– Видел! Но я думал… это… Я думал, это просто запасы. На всякий случай. Водоросли на продажу…

– И это тоже, – кивнул отец. – Сейчас мы продаем в два раза больше водорослей, чем потребляем сами, а на прибыль закупаем то, что может храниться как можно дольше. Ты не слеп, Алестар, и умеешь делать правильные выводы. Но ты слишком привык к тому, что видишь. И не всегда даешь себе труд подумать над тем, почему видишь именно это.

– Когда? – тихо спросил Алестар, потирая пальцами занывшие виски. – Когда все начнется? И почему… ты разрешил мне взять в супруги Кассию? В ней ведь нет крови человека. Не было… А если все это известно давно: и про мою кровь, и про Сердце Моря, и про Карианд…

– Потому и разрешил. Карианд не в том положении, чтобы торговаться, они отдали бы Маритэль и в наложницы – в крайнем случае. А ты мог передумать, запечатление с Кассией

могло сорваться, жрецы Карианда – найти способ спасти свой город… Будущее меняется каждое мгновение, Алестар. Кто мог знать, например, что ты встретишь человеческую девушку и сотворишь такую глупость? Нет, помолчи. Я знаю, что ты раскаиваешься. Я даже верю, что ты не пил гарнату. Что-то неладное творится в нашем городе и в самом дворце, но после смерти Кассии ты вел себя, как дикий салту, не слушаясь ни слов, ни лоура. Как я мог говорить с тобой о столь серьезных вещах?

– Прости, – прошептал Алестар, теперь уже сам беря отцовскую руку со странно тонкими пальцами и с осторожной ласковостью сжимая их. – Прости…

– Ничего, мой мальчик, – вздохнул отец, отвечая на пожатие. – Лишь бы все обошлось. Боги любят Акаланте, помни это и не разочаруй их. Жрецы обещают разорвать запечатление без вреда для девушки с земли. И для тебя, разумеется. Если Маритэль окажется тебе совсем не по сердцу, мы найдем другой союз, хоть и будет сложно. Но я верю, ты не поставишь будущее города выше собственных прихотей. Ты очень нужен, Алестар. И городу, и мне. И, Алестар, я прошу тебя… обещай…

– Да, отец. Все, что смогу…

– Это ты сможешь. Обещай мне не участвовать в гонках. Ты слишком ценен, чтобы рисковать жизнью. Я позволил тебе быть загонщиком в охоте, потому что этого ждал народ. Все должны были увидеть, что ты не потерял смелости и заботишься о подданных. Гонки – другое дело. Неразумный риск ради честолюбия. Прошу тебя, сын…

– Я… отец…

Голос не слушался, осекался, срывался… Алестар даже тронул пальцами сжатое спазмом горло, отчаянно думая, как же объяснить? Как сказать, что ему нужно на Арену? Не для того же, чтобы заполучить очередную дурацкую раковину из золота с драгоценными камнями. Этих раковин и так полка целая в покоях… А ему надо на Арену, чтобы убить страх. Задавить мерзкую дрожь, которая всякий раз рождается внутри, стоит подумать о том дне… Это не честолюбие, это стоит риска. Иначе как он сможет жить, зная в себе такой изъян? Но отец ждет, смотрит, и отказать ему невозможно…

– Я…

Внезапная тошнота и пронзительная тоска накатили вдруг и разом. Отголосок чужого ужаса, нет, не чужого…

– Джиад, – выдохнул Алестар, отталкиваясь от ложа. – Да, отец, конечно… Поговорим потом, ладно? Я… мне нужно…

– Плыви, конечно, – согласился отец, отпуская его руку и сползая ниже на постель. – А я посплю, пожалуй…

* * *

Ночью Джиад все-таки согрелась. Наверное, потому и снилось что-то спокойное, мирное, про храмовый сад, где она играла в прятки и рвала прямо с куста сладкую крупную береснику. Тяжелые, налитые пурпурно-фиолетовым соком ягоды поспевали круглый год, радуя послушников помладше, которых еще не пускали в город. Поэтому малыши смотрели на старших с завистью, а те приносили из города гостинцы, но сначала заставляли оттирать перемазанные темным ладошки и мордочки.

Когда Джиад открыла глаза, вкус бересники стоял во рту так ясно, будто она и вправду наелась ею во сне. И это было, как привет из дома, у нее даже глаза чуть-чуть защипало, так захотелось повидать друзей и наставников. Но вокруг тихо колыхалась непроглядная вода, и Джиад только выдохнула сквозь сжавшееся горло, снова опуская веки.

Когда она проснулась второй раз, уже по-настоящему, Алестара не было. Комнату ярко освещала подкормленная кем-то туарра, со столика исчезли тарелки с остатками пиршества

Жи. Сам рыбеныш мотался по клетке кругами, задевая прутья хвостом, отчего они слегка постукивали в пазах. Видимо, этот негромкий мерный стук и разбудил Джиад.

Что ж, пора было вставать. Она выбралась из-под прилипшего к телу одеяла, невольно спросив себя, чем укрывался рыжий, если все одеяло оказалось намотанным на Джиад, как кокон. Но теперь ясно, почему согрелась.

В памяти непрошено вспыхнуло, как Алестар бережно кутает ее вечером, и Джиад закусила губу. Она ожидала другого. Злости, обвинений, выставленных условий… Но уж точно не извинений и заботы. И это после того, как Алестару досталось вдвойне: и физиономии, и гордости. Ладно, об этом надо будет думать позже, когда принц вернется, потому что настроение рыжего меняется чаще, чем погода в горах. А пока есть дела важнее.

Одно такое дело уже всерьез ломилось наружу сквозь прутья, возмущенно вереща, что про него забыли, а он хочет есть, гулять, грызть вкусный кожаный пояс и еще чтоб нос почесали. Джиад прямо слышала все это в истошных руладах из клетки и теперь прекрасно понимала, почему иреназе держат своих любимцев не в покоях, а в общих загонах. Это же с ума сойти можно!

Зато оказавшись на воле, малек – да уже и не малек, пожалуй, – мгновенно притих. Деловито проверил стол, обиженно вякнув на отсутствие еды, метнулся куда-то в угол, и Джиад с опозданием подумала, что зверушке надо делать свои звериные дела где-нибудь подальше от спальни. К счастью, осознание этого пришло вовремя, так что удалось сразу оттащить не сопротивляющегося рыбеныша в комнату чистоты, поближе к ширакке. Что интересно, с шираккой тот отлично поладил и вообще вел себя, как очень благовоспитанное существо… Как оказалось – усыплял бдительность. А вернувшись в комнату, быстренько стянул пояс и спрятался с ним под свисающий с постели край одеяла.

– Нет уж, дружок, – мрачно сказала Джиад, отнимая изрядно пожеванный острыми зубами пояс. – Мы с тобой сейчас отправимся гулять. А если потеряешься или решишь слопать то, что само тебя слопает, я переживать не буду, так и знай!

Но в каймур, висящий у клетки, Жи лезть не пожелал, и оставалось только подивиться, как ловко его туда запихивал принц. Так что Джиад просто приспособила плетеный кошель вместо ошейника, взявшись за длинные завязки, и дотащила рыбеныша до внутреннего дворика, рассудив, что вряд ли там встретится опасная тварь. Мало ли что она сама говорит этому прохвосту, а завела животное – надо за него отвечать.

Почти сразу стало ясно, что о своей тренировке можно забыть. Салру был везде. Он вылетал из кустов и с разгону пытался врезаться Джиад в живот, он подкрадывался сзади, чтоб схватить её за полюбившийся край штанов, он мотался вокруг, так что голова кружилась следить за серебристой молнией.

– Ты когда-нибудь устанешь, зараза маленькая? – поинтересовалась Джиад примерно через час мучения, терпеливо принимая очередную добычу, которую ей принесли из зарослей, – лохматый пук водорослей был полон маленьких крабов, что тут же кинулись разбегаться по плитке двора.

Салру только хвостом помахал, ничуть не расстроившись, что кормилица не оценила подарок. У ног Джиад уже лежали полусгнивший кусок толстой деревяшки, выбеленный рыбий череп длиной в пару ладоней и другой, из глазниц которого тянулись щупальца небольшого осьминога.

– Выгонят нас с тобой из приличного места, – пробормотала Джиад, почесывая нахально подставленный нос, а потом и все маленькое тельце. – Ну вот где ты в королевском саду столько всякой гадости нашел?

Рыбеныш нежился, подставляя голову и бока, а когда Джиад коснулась основания хвостового плавника, заверещал в экстазе, выгибаясь всем телом и чуть ли не силой всовывая хвост ей в руки.

– Что, нравится? – хмыкнула Джиад. – Интересно… А вот у других… хвостатых… тоже так?

Она представила Алестара, с блаженным лицом чешущего хвост, и невольно фыркнула. Нет, а правда? Хвост, он и есть хвост, что у рыб, что у салту, что у иреназе…Или нет? Вот салту любят чесать нос, о хвосте и речи не шло, когда её учили править рыбозверем. Может, это только у малышей так? Но не спрашивать же принца.

От последней мысли Джиад чуть не подавилась очередным вдохом, а отдышавшись, не сразу заметила, что маленький паршивец куда-то подевался. И только когда из-за высокого заборчика, оплетенного водорослями, донеслась невнятная ругань, спохватилась и кинулась за рыбенышем.

– Полагаю, это ваш… зверь? – кисло осведомился пожилой иреназе в богато расшитой золотом черной тунике, брезгливо держа за хвост дергающегося Жи.

Второй, такой же седоволосый и одетый не менее роскошно, но более ярко, почти пестро, парил в воде рядом со спутником, и Джиад оказалась в перекрестье двух осуждающих взглядов.

– Прошу прощения, – отозвалась она насколько могла вежливо. – Мне очень жаль, если мой салру доставил вам неудобство или что-то натворил.

– Салру? – переспросил тот, что держал Жи, поднимая его выше и внимательно разглядывая. – А ведь и правда. Смотрите-ка, амо-на Тиаран, действительно, одиночка. Не вы ли убеждали меня, что это слухи и избранница принца приручила обычного салту редкой масти?

– Что ж, похоже, меня тоже ввели в заблуждение, – отозвался второй, пожимая плечами, так что бело-голубая туника с яркими полосами по воротнику и рукавам заколыхалась в воде. – Прошу прощения у каи-на… как вас зовут, дитя мое?

– Джиад. Джиад из Арубы. Я тоже прошу прощения, господа, что не имею чести и удовольствия знать ваши уважаемые имена.

Слова слетали с языка легко, но мысли не поспевали за ними. Кто эти двое? Почему они обсуждали прирученного им малька, но не помнят имени избранницы принца? И почему их взгляды такие… тяжелые?

– Джиад… – снова повторил одетый в черное. – Вы ведь не с нашего побережья?

– Нет, – ровно отозвалась она, невольно подаваясь назад под ощутимо давящим взглядом. – Аруба гораздо южнее Аусдранга.

Представляться сами они, кажется, не собирались. Что ж, пусть, лишь бы отдали Жи. Что он мог такого сделать, кого-нибудь цапнуть, что ли?

Но тут же, словно отвечая на её мысли, тот, что держал яростно бьющегося Жи, отпустил хвост. Малек кинулся к Джиад, тычась мордой ей в ладони и будто пытаясь спрятаться.

– Я Герлас, – отрывисто бросил иреназе, потирая руки, точно желая смыть с них грязь. – Старший служитель храма Глубинных богов. А это – амо-на Тиаран, высший жрец Троих.

Джиад склонилась в глубоком поклоне, задержавшись на несколько мгновений, а выпрямившись, опустила ладонь на спину рыбеныша, успокаивая его. Высший жрец и старший служитель? Теперь понятно, откуда такая властность…

– Аруба… – задумчиво сказал Тиаран. – Да, припоминаю… Мне рассказывали о служении ваших жрецов, каи-на Джиад.

– Служение, – презрительно фыркнул Герлас, засовывая большие пальцы рук за пояс и покачиваясь на хвосте. – Земным богам несть числа, но они лишь подобрали крохи силы, оставленные изначальными. Теми, кто ушел в глубины, когда земля еще была молода, а двуногие только учились одеваться в звериные шкуры.

– Вы говорите о глубинных богах, господин Герлас? – вежливо поинтересовалась Джиад, почесывая нос прижавшегося к ее колену Жи. – Да, они были первенцами создателей мира. Но разве родители не любят одинаково всех детей, и старших, и младших? Мой повелитель – такое же дитя Троих, как и те, что ушли в недра земли и подводные глубины.

– Не спорьте, амо-на Герлас, – попросил Тиаран со снисходительной благостностью в голосе. – Госпожа избранная защищает своего покровителя, это достойно уважения. А ваши слова обижают ее бога.

– Мне-то что, – снова фыркнул Герлас, глядя на Джиад с какой-то брезгливой жалостью. – Пусть служит, кому хочет, лишь бы не забывала, что здесь её молитвы стоят меньше пучка водорослей. Земные боги остались на земле… Что смешного я сказал?

– Прошу прощения, – отозвалась Джиад, не переставая улыбаться. – Но мой повелитель Малкавис не нуждается в защите. Ни моей, ни чьей-либо еще. Разве оттого, что я назову море мелким, оно обмелеет? Разве бог обидится на чьи-то слова, как неразумное дитя? Сила Малкависа не камень, который может упасть в воду или остаться на земле. Она в сердцах тех, кто верит в него. И где бы я ни была, она со мной.

Она посмотрела на Жи, с блаженным тихим повизгиванием трущегося носом о её колено, снова подняла взгляд, уже слегка сожалея, что наговорила лишнего. Оба жреца молчали, рассматривая её в упор. Герлас – с откровенной враждебностью, у него даже хвост резко дергался, Тиаран – с интересом, пожалуй, словно редкую забавную зверюшку. А ведь они должны гораздо больше понимать в том, что здесь творится. Особенно Герлас – служитель глубинных богов. Алестара едва не убило дыхание Бездны, да и сирены… Если это Герлас хочет смерти принца, у него и вправду нет оснований любить Джиад.

– Хорошо сказано, – усмехнулся одним уголком губ жрец глубинных, нарушая затянувшееся молчание. – Я смотрю, не только у салру здесь острые зубки. А все-таки поберегись, двуногая… Море любит смелых, но не путай смелость с дерзостью и глупостью.

Джиад молча поклонилась, не считая нужным отвечать, и Герлас, не переставая криво усмехаться, резко махнул хвостом, отталкиваясь от воды. Несколько движений руками, блеск широкого хвостового плавника – и жрец глубинных уплыл торопливо, как раздраженно уходящий человек.

– Я прошу прощения за амо-на Герласа, он не очень любит людей… – все с той же мягкой властной любезностью сказал Тиаран – и тут у Джиад перехватило дыхание.

Она узнала голос. Тяжелый властный голос, чьего приказа было невозможно ослушаться. Голос велел возвращаться, и Джиад чувствовала его в бреду, как чувствовала бы удар кнута или раскаленное железо на коже.

Она сжала зубы, не собираясь выдавать, что вспомнила жреца и его зов. Обиженно пискнул Жи – пальцы слишком сильно стиснули загривок малька.

– Что-то не так? – вкрадчиво уточнил Тиаран.

– Нет, все в порядке, – с трудом улыбнулась Джиад. – Я не обижаюсь.

Этот взгляд… Он давил, сминал волю, заставлял гореть в бреду и задыхаться, будто на грудь положили каменную плиту. Это Тиаран звал её – теперь Джиад была уверена. И если сейчас уступить, значит, и впрямь цена ей, жрице Малкависа, меньше пучка водорослей.

– Я рад, – тоже улыбнулся Тиаран одними губами – глаза были холодными, внимательными. – Нравится ли вам Акаланте, госпожа избранная?

Еще и издевается… мразь. Не может ведь не знать, что почти убил её тогда.

– Очень нравится, – все так же старательно растягивая непослушные губы в улыбке, отозвалась Джиад. – Город прекрасен и люди здесь гостеприимные. То есть иреназе…

– А его высочество, полагаю, очень дорожит вашими отношениями? – подсказал Тиаран, откровенно забавляясь.

Он плавно повел рукой перед собой, и Джиад с трудом оторвала взгляд от ярких полос туники, сливающихся в одну, плывущую перед глазами. Бежать? Слабость накатывала холодными волнами. Джиад задыхалась, как выброшенная на берег рыба. Ей бы передышку – хоть несколько мгновений… Сосредоточиться, как там, в спальне, призвать силу…

– Конечно, – выдавила Джиад. – Иначе зачем бы мне возвращаться?

Она попыталась было отвести взгляд – не вышло. Тиаран держал её невидимой удавкой, и стоило дернуться – петля затягивалась туже. Да что ему нужно? Посреди королевского дворца, под окнами у короля… Что он творит? И зачем?

– О да, – мягко сказал Тиаран. – Для Акаланте огромная удача, что вы вернулись, госпожа избранная. Признаться, я был восхищен вашей стойкостью…

Он еще что-то говорил, плетя сеть словами, движениями холеных белых рук, уверенным тяжелым взглядом и плавными колыханиями яркой туники. Джиад из последних сил скидывала с себя липкую тошнотворную одурь, но та наползала снова и снова, туманила остатки сознания, обволакивала…

– Пре-кра-тите… – выдавила она, не падая лишь потому, что вода держала.

Ладонь, слепо скользящая по поясу, не находила рукоять ножа. Джиад еще смутно помнила, что должна почувствовать пальцами и ладонью другую рукоять, упругую, горячую, рождающуюся изнутри, но забыла, как это сделать. Она все забыла, даже, кажется, как дышать… самой… Грудь поднялась и опустилась в чужом, навязанном извне ритме, в виски и уши бил тяжелый гул прибоя – откуда бы в глубине взяться прибою – но тут ладонь все-таки наткнулась на что-то… стиснула… сжала…

Обиженный визг врезался в сознание, распарывая липкую серую пелену. Следом пришла боль – резкая, острая, настоящая! Одна только боль и была настоящей среди тяжелого марева, в котором тонула Джиад, и она жадно ухватилась за эту боль, вспоминая заново, как дышать – самой. Думать – самой. Со-про-ти-вля-яться…

ГЛАВА 6. Между судьбой и свободой

– Джи! Джиад!

Кто-то звал её, голос был знакомый и вроде бы неприятный, но, главное, он не был зовом, и Джиад ухватилась за него тоже, упрямо выныривая, выкарабкиваясь, добавляя к осязанию слух, а затем и зрение.

– Джиад!

Алестар смотрел на неё сверху и сбоку, его лицо плыло перед глазами, и выражения было не разобрать, но в голосе звенел испуг, и Джиад, как пьяная, протянула руку, нащупала пальцами плечо принца, белое посреди отступающего серого марева, сжала тонкую ткань…

– Джиад! Да что здесь происходит, Тиаран?!

– О, боюсь, это моя невольная вина, – отозвался другой голос, мягкий, сочувствующий, обволакивающий…

– А-ле-стар… – выдохнула Джиад, впервые радуясь появлению рыжей заразы рядом.

– У тебя кровь на руке, – отозвался принц, держа ее за плечи. – Тиаран, позовите целителей. И я хочу знать, что случилось.

Голос у него был скорее злой, чем испуганный, но дрожали в нем нотки страха, еще как дрожали, и Джиад различала их даже сквозь навалившееся оцепенение.

– Не надо… целителей… – попросила она, поднимая к глазам и вправду раненую ладонь. – Все хорошо… Просто укус…

Жи, тихонько попискивая, лез в руки, виновато тыкался носом, и Джиад вяло подумала, что надо бы убрать рыбеныша – нечего ему чуять запах крови, да еще той, которую он сам пустил. А потом вспомнила боль…

– Не трогай, – сказала, едва шевеля губами, хмурящемуся Алестару. – Он не виноват…

Язык не слушался, в глазах все еще темнело, но уже было понятно, почему она так странно видит рыжего – принц склонился над Джиад, придерживая её за плечи. И было почти спокойно…

– Мне так жаль, – голос вползал в уши змеей, тек медом, плыл легкой струйкой дыма – нет, воды… – Это моя вина, тир-на Алестар… Я не подумал, что госпоже избранной вспомнится зов. Мы разговаривали втроем: амо-на Герлас, каи-на Джиад и ваш покорный служитель. Когда амо-на Герлас покинул нас, госпоже избранной стало… нехорошо…

– И причем тут зов? – хмуро поинтересовался Алестар, подставляя Джиад плечо, на которое ей пришлось опереться, чтобы сесть.

– Наша память, мой принц, хранит гораздо больше, чем мы думаем, – сказал Тиаран с таким искренним сожалением, что Джиад едва не стошнило. – Память госпожи избранной скрыла от неё зов, чтобы дать душе залечить раны, но мой вид, голос… Они послужили камнем, который упал в омут памяти и взбаламутил ее. Мне так жаль…

Он все говорил верно, Джиад понимала это. И, кажется, искренне переживал… Действительно, просто воспоминание о зове, едва не убившем её. И жрец, пожалуй, не виноват, они ведь просто разговаривали…

Джиад снова глянула на ладонь, так и сочащуюся кровью. Она искала рукоять клинка и схватилась за… Жи. Сделала больно, и рыбеныш тяпнул за руку. Память возвращалась медленно, Джиад вытаскивала ее осторожно и терпеливо. Боль… она дала ей несколько мгновений передышки, вернула в сознание. Если бы не эта боль…

Она вспомнила. Она уже дышала по чужой воле. И пальцем шевельнуть не могла. И думать. И если бы не Жи и так вовремя появившийся Алестар…

Джиад глубоко вздохнула, сбрасывая с мыслей остатки почти ощутимой сети. Подняла голову и посмотрела поверх плеча Алестара в полные сочувствия глаза жреца. Улыбнулась.

– Ничего страшного, амо-на Тиаран. Вы правы, память хранит многое. Но это верно, я думаю. Ваше высочество, мне уже… лучше…

– С вашего позволения, тир-на Алестар, я вас оставлю. Госпожа избранная, мои самые искренние извинения.

– Не стоит, – откликнулась Джиад, глубоко дыша. – Благодарю вас, амо-на Тиаран.

– За что?

В голосе жреца слышался лишь легкий вежливый интерес, и Джиад усмехнулась:

– За встречу, знакомство и урок.

Она окончательно высвободилась из объятий принца – к явному неудовольствию последнего – села на плитку дворика, глядя вслед удаляющемуся хвосту жреца. Протянув руку, погладила Жи, трущегося носом о её колено.

– И почему у меня чувство, что я опять знаю меньше всех? – хмуро спросил Алестар, расстилая рядом по плитам роскошный хвостовой плавник. – Джиад, что случилось?

– Ничего, – бесстрастно ответила она. – Вы же слышали. Мне просто стало… нехорошо. Ничего удивительного, я и правда едва не умерла от зова.

– Тиаран выполнял приказ отца, – помолчав, тихо сказал Алестар. – Я даже не вправе винить его за это. Прости…

– Не просите прощения за то, в чем не виноваты, – посоветовала Джиад. – Зов – это уж точно не ваша вина.

– Значит, только зов, да? – прищурился Алестар. – А этот паршивец тебя случайно укусил?

Паршивец крутился вокруг, работая хвостом, как мельница – крыльями. Джиад снова протянула руку, почесала немедленно ткнувшийся в нее нос. Наверное, надо было рассказать Алестару. Но что? А если она ошибается и все действительно так, как говорит Тиаран? Память иногда играет жестокие шутки, особенно, если это память о боли и страхе.

– Я пришла в себя от укуса, – с неохотой выговорила она. – Если бы не Жи, все было бы… сквернее.

«Гораздо сквернее, – подсказывал гаденький тошнотворный страх, лишь теперь поднимающий внутри голову. – Потому что нет ничего хуже, чем потерять себя».

– Тогда не буду отрывать ему хвост, – вымученно пошутил Алестар, тоже почесывая малька, радостно извивающегося от такого двойного счастья. – Ты… точно в порядке? Я чувствовал…

– Что? – осторожно поинтересовалась Джиад, незаметно убирая пальцы со спины Жи, чтобы не встретиться с рукой Алестара.

– Что тебе плохо, – просто ответил принц. – Так… не больно, а просто очень плохо… Может, все-таки позвать Невиса? И что ты там говорила Тиарану про урок?

Внимательный… Джиад снова подумала, не поделиться ли подозрениями. Ведь про урок она сказала единственно затем, чтобы увидеть, как отзовется жрец Троих. Никак не отозвался – просто вежливо поклонился и уплыл. А урок и вправду вышел хорошим, но за него стоит поблагодарить обоих, и жреца Троих, и служителя Глубинных. Да, она должна по-прежнему верить в Малкависа, но нельзя забывать, что это совсем чужая земля. То есть вода… Со своей силой, своими секретами и магией. А она, дура самоуверенная, расхвасталась и получила по носу, как… рыбеныш. Без которого все и вправду могло бы обернуться куда хуже.

– Мы беседовали о богах, – бесстрастно отозвалась Джиад, отталкиваясь от плиток и всплывая выше. – Это было очень интересно. Если позволите, я бы отвела Жи домой. Хватит с нас прогулок.

– Все время забываю, что ты жрица.

В дворцовом коридоре, благо тот был достаточно широк, Алестар плыл рядом, время от времени поглядывая на нее задумчиво и как-то осторожно. Потом, наконец, решился:

– Злишься за вчерашнее?

Джиад пожала плечами.

– Нет, ваше высочество. А вы?

– Нет, – буркнул Алестар, и, немного помолчав, добавил: – Немного злюсь. Вот знаю, что ты права, а все равно… Ладно, забудь. Хочешь посмотреть город? Не сверху, а по-настоящему…

Лицо его застыло от внутреннего напряжения, и Джиад невольно оценила, каких усилий принцу стоило и признание, и предложение. Алестар изо всех сил делал вид, что занят только Жи, который гонялся за его хвостом, и Джиад решилась.

– Хочу, – призналась она, подплывая к их покоям. – Только… без этого зверя, ладно?

– Само собой, – выдохнул принц, хватая в охапку не ожидающего такого коварства рыбеныша. – Подожди, я мигом!

Скрывшись за дверью с возмущенно вопящим Жи, он и вправду вернулся почти сразу. Перебросил на спину косу, наспех перехваченную золотым кольцом-заколкой, поправил простую темную тунику.

– Салту бы оставить, – протянул задумчиво. – Но как ты поплывешь тогда?

Про салту Джиад вскоре поняла. Оказалось, в городе иреназе плавают без своих верховых зверей или оставляют их наверху, спускаясь к лавкам, открытым галереям и просто домам. Джиад во все глаза глядела на маленькие площади, окруженные жилищами иреназе. Что это жилища, она поняла только по круглым окнам, врезанным прямо в плоские или слегка выпуклые крыши. Окна были то ли стеклянные, то ли слюдяные, за многими светилась туарра.

– А во дворце стекол нет, – сказала она немного растерянно, приглядевшись к странным постройкам.

– Во дворце вода теплее, – объяснил Алестар. – Он построен на горячих источниках. Часть воды идет по трубам, но часть проточная, так что через окна она меняется. А в городе нужно беречь тепло. На каждые несколько домов – труба с горячей водой, она и жилища греет, и еду. Ну что, в сады или на рынок? А хочешь – храмы посмотрим.

– Нет, – слишком быстро, пожалуй, отозвалась Джиад. – Храмы… не сегодня. Можно на рынок?

Алестар глянул на нее внимательно и кивнул, разворачивая салту. Джиад с опозданием и некоторым смущением вспомнила, что на рынке придется только глазеть, – единственную монету она оставила на Арене, о чем, конечно, нисколько не жалела. Вдруг и правда тезка её рыбеныша окажет милость рыжему конюшонку?

Они уже спускались к огромной площади, исчерченной хорошо видимыми сверху рядами каменных столов. Скамей не было, зачем они там, где никто не сидит? Только столы да короба с товарами – тоже каменные.

Алестар соскользнул с салту, обернулся к охранникам, бросив что-то вполголоса. Кари, молча кивнув, принял повод его зверя, потянулся за поводом салту Джиад и брата. Дару так же молча покинул седло.

– Идем, – нетерпеливо позвал Алестар, подавая ей руку. – И смотри, не отказывайся от подарков – это не принято. Подарить что-то избранной перед свадьбой – к удаче…

А вот этого Джиад не ожидала. И знай о таком – носа бы не сунула на рынок. Она же не настоящая избранная! Нельзя так обманывать! Но было поздно. Алестар потянул её за собой, опускаясь к рядам, и Джиад окунулась в круговерть блестящих хвостов, заплетенных и струящихся в воде волос, ярких туник и вездесущих водорослей, среди которых сновали мелкие рыбешки.

«Как мухи на базаре», – подумала она, отмахиваясь от рыбьей мелюзги. Рыбешки действительно вились над прилавками со снедью, причем торговцы этому вовсе не препятствовали. Напротив, один из них, как заметила Джиад, размашистым жестом сгреб серебристую россыпь над столом соседа, перегнав на свой.

– Зачем ему эта мелочь? – не утерпела Джиад, украдкой кивая на прилавок, мимо которого они как раз плыли.

– Это симсарель, – отозвался рыжий. – Она ест только самую свежую еду. Если над столом полно симсарели, значит, рыба поймана сегодня утром. О, а вот и курапаро…

Он протянул руку к очередному лотку, бесцеремонно прихватив с него плоскую толстую лепешку величиной с тарелку. Торговец – коротко стриженый пожилой иреназе – только разулыбался, низко кланяясь рыжему.

– А что, платить здесь не принято? – сдержанно поинтересовалась Джиад.

– Да кто же у меня возьмет? – хмыкнул принц. – Думаешь, мне жалко? Подержи-ка.

Он сунул ей в руки сочную лепешку, сочащуюся зеленой слизью из надлома, повернулся к прилавку, выудил из кошелька на поясе монетку…

И Джиад сама смогла убедиться, как акалантцы относятся к своему принцу. Торговец оскорбился! Он воздел руки к небесам, то есть туда, где они должны были находиться, совсем как купец на родном арубском базаре. Он призвал Троих в свидетели, что никогда ничем даже в мыслях не оскорбил благословенную богами королевскую семью, так за что же тир-на Алестар так обижает его! И видят Трое, и даже глубинные увидели бы, но пусть лучше спят, что у него свежайший товар во всем городе, так что если благородный тир-на и его прекрасная избранная не отведают хоть чего-нибудь еще, ему только на скалы броситься от позора…

– Видишь? – мрачно спросил Алестар, когда они отплыли от прилавка с полными руками всякой снеди. – И так всегда… Дару, забери. Нет, это оставь, пожалуй. Попробуй, Джи.

Он протянул тонкий длинный прутик с уже знакомыми прозрачными кусочками маару вперемешку с ломтиками синеватого мяса и такими же зелеными лепешками, только маленькими.

Джиад осторожно надкусила. Мякоть курапаро оказалась сочной, приятно-кисловатой и тугой, напоминая виноград…

– Вкусно, – сказала она, обдирая с прутика лепешечки. – Во дворце такого не подавали.

– Это не дворцовая еда, – хмыкнул Алестар сожалеюще. – Курапаро… он для тех, кто победнее. А мне нравится.

Про себя Джиад подумала, что лучше бы там не кормили изысканными лакомствами вроде чьих-то глаз, а рыжий уже тащил её дальше, к рядам с гарпунами и сетями, одеждой, посудой и оружием. Джиад рассматривала длинные низки жемчуга, кожаные туники, богато украшенные и совсем простые пояса. У очередного прилавка её поймали за край рубахи, кланяясь и умоляюще протягивая красивую шкатулку, выложенную перламутром.

– Бери, – уголком рта прошипел рыжий, милостиво кивая торговцу. – И не вздумай деньги…

– Благодарю, – поклонилась Джиад, обеими руками принимая подарок. – Да благословят вас боги.

Благословение, в отличие от денег, торговец принял с радостью. И пока они плыли по рынку, только немалый опыт принца помог не оказаться нагруженными, как пара караванных верблюдов. Алестар как-то определял на глаз тех, кто готов был всучить им полприлавка, умело уклоняясь и лавируя между рядами. И все-таки Джиад достался набор фигурных бутылочек в коробке из толстой кожи, бусы из красивых ракушек, вышитый жемчугом широкий пояс и книга. Ничем иным тонкие жестяные таблички с выбитыми значками быть вроде не могли.

А еще им улыбались, кланялись, желали счастья, здоровья и многочисленного потомства – как яиц у маару. От последнего пожелания Джиад едва не поперхнулась вкусным, несмотря

на подозрительный цвет, мясом с прутика, а любезная улыбка Алестара на пару мгновений стала больше похожа на оскал.

– Ну, посмотрела? – выдохнул рыжий, помогая ей выбраться из водоворота счастливых лицезрением наследника подданных.

Джиад прижимала к себе подарки, не представляя, куда их можно сунуть, если сейчас придется снова править салту.

– У седла сумка есть. Давай…

Алестар махнул рукой, подзывая плывущего поверху Кари, и подал пример, сунув свои дары в кожаный мешок на боку зверя.

– Раз в храм ты не хочешь…

– Ваше высочество, – сказал Кари, отдавая ей повод салту и помогая сгрузить подарки. – Только что приплывал гонец. Каи-на Ираталь просит о встрече, как только вам будет угодно.

* * *

Увидеть Алестара вместе с Джиад Ираталь явно не рассчитывал. Почти ничем не выказав неудовольствия, разве что губы на мгновение сжались в узкую линию, начальник охраны поклонился жрице так же почтительно, как и самому принцу, осведомился о здоровье и делах и лишь затем очень вежливо поинтересовался, не уделит ли ему тир-на Алестар время для личной беседы?

Алестар и сам уже понял, что зря привел Джиад с собой, но теперь просить её уплыть было неловко. Однако жрица, нисколько не обидевшись, кивнула:

– Разумеется, господин Ираталь. Позвольте вас оставить. Только мне бы тоже хотелось как-нибудь побеседовать с вами.

– Так, – решительно сказал Алестар. – Не знаю, что это за тайны, но не собираюсь опять узнавать о них последним. Джиад, рассказывай при мне.

Ох, как не понравился ему быстрый обмен взглядами между жрицей и Ираталем. Но Джиад тут же пожала плечами, снова опускаясь на кушетку у стены.

– Собственно, я лишь хотела спросить у каи-на Ираталя, – сказала она ровно, – кто такие «спящие до конца мира»?

– Это… – Ираталь на мгновение осекся. – Мне, в свою очередь, хотелось бы узнать, где вы слышали эти слова. И от кого.

– Конечно, – кивнула Джиад. – Я слышала их от сирен. Они были не слишком-то разговорчивы, да и говорили очень странно, но между собой парой слов обменялись. А я тянула время и спросила, зачем им принц. Один из них сказал…

Джиад прикрыла глаза и старательно, как ученица наставнику, повторила:

– Он сказал: «Иреназе должен умереть. Это приказ спящих. Спящих до конца мира».

– Вот как… – задумчиво протянул Ираталь. – Что ж, мы подозревали, что это не простая случайность, но не были уверены. Почему вы не рассказали сразу, госпожа моя?

И снова Алестару не понравился его тон, вроде бы вежливый, но очень уж мягкий, прямо как хорошая рыболовная сеть.

– Сначала я забыла, – просто сказала Джиад. – Да и не было желания с кем-либо здесь откровенничать. А потом не представилось случая. Это важно, господин Ираталь? И не соблаговолите ли ответить и на мой вопрос?

Что ж, у нее голос был не менее любезным и мягким, так что Алестар решил в кои-то веки попридержать язык и не кидаться с непрошеной защитой. А подумать лучше о том, что многовато вокруг странностей, взять хоть утреннюю, где были два жреца. И один из них как раз…

– Так иногда называют глубинных богов, – суховато, но вежливо ответил Ираталь прямо-таки на его мысли. – Сирены поклоняются им, но есть и иреназе, которые считают глубинных… своими покровителями.

– Что за бред? – вырвалось у Джиад.

– Еще какой, – кивнул Ираталь. – Весьма опасный бред, который никак не удается искоренить. Служители спящих – так они себя зовут. И не гнушаются ничем: от клятвопреступления до убийства. Госпожа избранная, вы очень разумная… девушка. И достаточно опытны в определенных делах как страж. Не вам объяснять, что тайные вероучения – это… серьезно. Так что если вы когда-нибудь от кого-нибудь услышите упоминание спящих, я надеюсь на ваше благоразумие и осторожность.

– Я поняла, – спокойно отозвалась Джиад, чуть подаваясь вперед и сцепляя пальцы на колене. – Но если я не смогу обратиться к вам сразу, кому еще можно довериться?

Начальник охраны задумался. И это уже говорило о том, что в королевстве творится неладное. Нет, Алестар знал о ненормальных, всерьез считающих себя избранниками глубинных богов, но даже предположить, что они перешли от просто глупостей к опасным глупостям? А ведь Ираталь именно так и думает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.